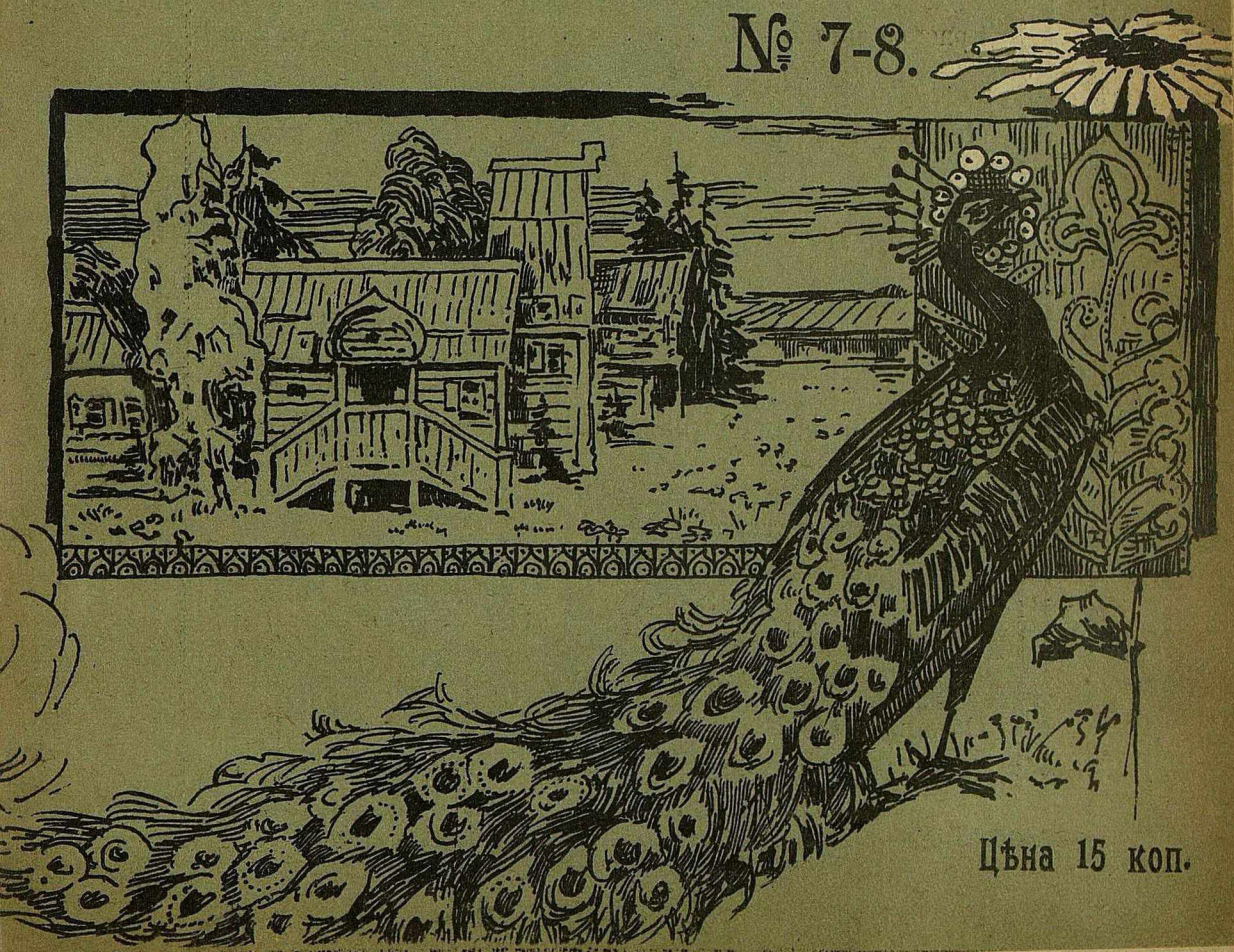

Азійський Міръ

№ 7-8.

Цѣна 15 коп.

СОДЕРЖАНІЕ № 7—8.

Христось Воскресе! (стихотв.) . . . *А. Кастальскаго.*

На Пасхѣ. *В. Анзимірова.*

Красное яичко. *Н. Якубовскаго.*

Лишнее зернышко. *М. Рослякова.*

Гольфстремъ. *М. Соловьева.*

Дѣтство (стих.) *Олега Леонидова.*

Маленькій часовой (пер. съ французск.)

Что читать дѣтямъ.

Дѣтскія моды.

Объявленія.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛТСКІЯ
МІЗ

Христось Воскресъ!

(Посвящается моей дочери Вѣрусь).

Христось Воскресъ! Мое дитя,
Прими мой нѣжный поцѣлуй!
Пой пѣсни дѣтскія шутя,
Рѣзвися, смѣйся и ликуй!

* * *

Христось Воскресъ! Смотри вокругъ:
Какъ свѣтитъ солнышко съ небесъ!
Какимъ ковромъ покрылся лугъ!
Какой листвою одѣлся лѣсъ!

* * *

Христось Воскресъ! Ручьи шумятъ,
Стада восторженно ревуть,
Колокола весь день гудятъ
И птицы весело поютъ!

* * *

Христось Воскресъ! Въ душѣ больной,
Какъ даръ, ниспосланный съ небесъ,
Царить торжественный покой!..
Христось Воскресъ! Христось Воскресъ!

Алексѣй Кастальскій.

Христосованіе царя съ народомъ.

На пасхѣ.

Прощай Омска,
Про-о-ощай Томска,
Прощай Сла-а-авная Сибирь!..

Высокимъ, звонкимъ голосомъ, залихватски выводить запѣвало — бородатый казакъ въ огромной „манджурской“ папахѣ, на бекрень.

Сотни такихъ же „страшныхъ дядей“ на коняхъ лихо подхватываютъ сибирскую казачью пѣсню.

Полкъ медленно, раскачивая пиками, ползетъ къ вокзалу, звеня по гололедицѣ подковами.

И тщедушному Васькѣ, мальчишкѣ — ученику изъ сапожной мастерской, выбѣжавшему „поглядѣть“ на нихъ изъ вонючаго подвала — кажется, что это „не люди“.

А — настоящее „христолюбивое воинство“, про которое говорилъ въ прошлое воскресенье сѣдой батюшка въ церкви.

Послѣ чтенія манифеста о войнѣ съ Японіей.

И что передъ этими острыми пиками, таинственными ружьями за плечами, да шашками, а главное — передъ огромными мохнатыми и такими *могучими* попахами — не устоитъ никакой „врагъ“.

Прощай сла-а-авная
Сибирь,
Мы на ко-о-оняхъ всѣ
сидимъ!

Опять жалостливо и вмѣстѣ зазорно поетъ-заливается бородатый.

— Ажно земля трясется! — думаетъ Ванька — когда сотни голосовъ подхватываютъ-повторяютъ пѣсню.

И какъ то свирѣпо—угрожающе *ударяютъ* на послѣднемъ стихѣ.

Отчего совсѣмъ не страшныя слова: „*мы на коняхъ всѣ сидимъ*“, на которыхъ обрывается пѣсня, кажутся ему какимито-то особенными—большими и *подавляющими*.

— Вродѣ Ильевъ Муромцевъ, что сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года — почему то припоминаетъ Васька разсказъ, слышанный имъ въ школѣ, про *перваго* русскаго богатыря.

Онъ радъ теперь, что съ такими „богатырями“ можно *никого* не бояться.

И никакой японецъ не придетъ къ намъ „рѣзать — грабить“, да „обращать насъ въ свою языческую вѣру“—какъ страшаетъ — плачется хозяйская мать „баушка Агафья“!..

*
* *
*

Васька тоже, цѣлыми днями, *сидитъ* въ своей мастерской, гдѣ пахнетъ: варомъ, воскомъ, кожей и лакомъ — пришиваетъ, дратвой, заплаты, набиваетъ каблуки, чиститъ и растягиваетъ на колодки—сапоги башмаки и щиблеты...

Душно и скучно ему здѣсь.

Онъ тоскуетъ по родинѣ, гдѣ его ласкала добрая, постоянно болѣвшая мамка, теперь давно зарытая землею...

Жаль ему и сестренку Варьку—такую шустренькую и веселенькую прежде.

А потомъ — „засохшую“, съ тѣхъ поръ, какъ „злой отецъ“ ее тоже *засадилъ*—нянчить младшихъ сестренокъ.

— Пѣтухъ еще у насъ славный былъ... Такой зазорный—бывало всѣхъ сосѣдскихъ забьетъ-заколотитъ!—вспоминаетъ Васька.

— А учительша то что-о говорила: будто драться не

хорошо! Богъ не велѣлъ! — совершенно неожиданно лѣзутъ въ голову школьныя наставленія.

— Да-а... не хорошо-о!.. Что же лучше чтобы тебя самого били?—возражаетъ онъ ей, мысленно, теперь.

И думаетъ про „страшныхъ дядей“ казаковъ — молодцовъ, которые пошли „бить японцевъ“.

Ему ужасно хочется самому отправиться вслѣдъ за ними—царапать, кусать ихъ... А потомъ достать настоящее ружье и всѣхъ-всѣхъ перестрѣлять...

И онъ мечтаетъ: какъ это хорошо быть сильнымъ, да всѣхъ—„побѣждать“...

— Ты что же опять лодыря празднуешь, паршивый!—кричитъ чей то сердитый голосъ.

И тяжелая колодка которая вотъ, вотъ почнетъ „гулять“ по Васькиной башкѣ: „ажно искры посыпятся“ — сразу возвращаетъ его отъ грезъ къ дѣйствительности.

Онъ опять принимается за свое шило, да дратву съ щетиной на концѣ.

Ниже склоняется надъ работой — будто разглядываетъ что...

А самъ, все думаетъ:—Чего сидѣть тутъ!.. Что высидишь? Бѣжать надо!..

„Мы на коняхъ всѣ сидимъ!“ — стоитъ въ ушахъ молодецкая пѣсня, съ лихимъ присвистомъ.

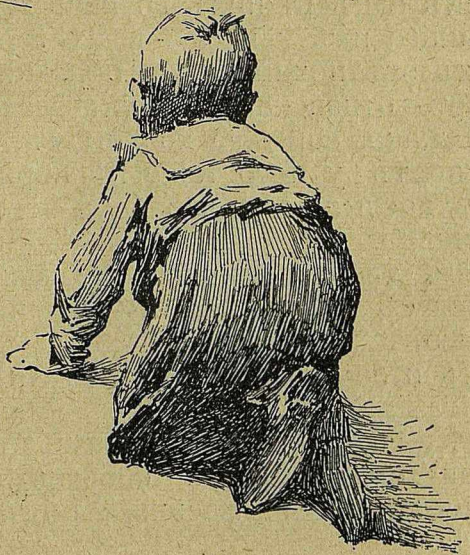
И ему хочется непременно тоже *сѣсть* на коня и махать саблей: „какъ тотъ ихній полковникъ, что ѣхалъ впереди“...

Чтобы всѣ, всѣ его боялись:

И хозяинъ, и подмастерья... И обижающіе его теперь болѣе сильные товарищи... И „буточникъ городской“, сколько разъ уже отнимавшій у него сотки, за которыми онъ бѣгаетъ по приказанію мастеровъ, потому что будто бы „малолѣтнимъ водкой заниматься не приказано“. А его за это, каждый разъ, такъ больно и ожесточенно били...

— Убѣгу! — рѣшаетъ Васька...

Шумно-бурливо несутся вѣшніе потоки...
Даже маленькіе канавки теперь задорно весело по-

игрываютъ-журчатъ.

И словно живыя мутно-бурыя змѣйки, быстро ползу-

щія среди мерзлой еще земли посмѣваются - дразнятъ...

Снѣгъ слинялъ-почернѣлъ и валяется лишь кое гдѣ по полю, будто разбросанное капризнымъ вѣтромъ грязное бѣлье...

А задорный жаворонокъ гдѣ то высоко-высоко надъ землей, словно чудная музыка невидимыхъ ангеловъ—несеть-посылаетъ изъ голубого неба бодрую пѣсню весны.

Васькѣ весело...

Уже три недѣли, какъ онъ „въ бѣгахъ“, пробираясь въ Манджурію.

Тхаль—сзади, на буферѣ товарнаго поѣзда, пока не уставалъ цѣлыми часами держаться за желѣзо...

Тхаль милостью кондукторовъ и истопниковъ за двугривенные, пока его не ссаживали строгіе контролеры...

Тхаль въ пустыхъ товарныхъ вагонахъ... И нѣсколько разъ подъ лавкой, подъ защитой пассажировъ.

А теперь шагаетъ по шпаламъ „на своихъ на двоихъ“, такъ какъ рѣшилъ „беречь деньги“.

Немного ихъ у него!—всего 3 рубля 40 коп. прикопленныхъ отъ починокъ по праздникамъ, да проданныхъ на базарѣ—отцовскаго сундука-благословенья и праздничнаго пиджака, сшитаго хозяиномъ, по уговору.

Паспортъ у него тоже въ порядкѣ, ибо онъ еще въ деревнѣ слышался, что безъ него—„никакъ нельзя—пропадешь!“

И онъ твердо рѣшилъ не только не „пропасть“, а вернуться съ войны „героемъ“. Непременно—съ крестомъ и медалью.

Какъ и за что онъ ихъ получить—Васька и самъ не знаетъ.

Но ѣдетъ и идетъ въ Манджурію правильно, такъ какъ желѣзная дорога одна; не собьется!..

Ночуетъ и ѣстъ Васька, Христа-ради, по поселкамъ и селамъ,

И всѣмъ рассказываетъ одно: „иду бить японцевъ!“

Похохочутъ - посмѣются хозяева, на ночлегъ, но въ чашкѣ щей, да кашѣ—не отказываютъ:

Добрые, вѣдь, сибиряки!
Да и къ странникамъ-бродягамъ попривыкли.
И у Васьки растетъ-крѣпнетъ увѣренность, что онъ
„добьется своего“.

* * *

А война уже идетъ во-всю.
Японцы подранили-взорвали твердыню русскаго флота подъ Портъ - Артуромъ, разбили русскіе полки подъ Тюренченомъ, быстро придвигаются къ Ляояну.

На встрѣчу Васькѣ попадалось уже нѣсколько поѣздовъ съ краснымъ крестомъ, везущіе въ Россію раненыхъ...

Тайга... Лѣсъ непроглядный пошелъ. Пихты да кедровы стоятъ такіе страшные, мрачные да высокіе по дорогамъ...

Прямо—море-океанъ лѣсной!..

И народъ другой въ селахъ... посердитѣе, какъ будто и обличье другое...

Стеръ больно ноги Васька въ своихъ новыхъ сапогахъ, которые теперь стали какими то жесткими и рыжими. Да и тѣло все разломило отъ усталости.

Вспомнилъ онъ, что теперь Пасха должна быть близко. И захотѣлось ему отдохнуть.

А впереди верстахъ въ трехъ село.

И церковь такая привѣтливая, пятиглавая съ бѣлой колокольной, издали — новой зеленой крышей, да маковками и крестами золочеными блеститъ...

Тихій-скорбный благовѣстъ страстной недѣли славно такъ, бархатно и торжественно, по весеннему воздуху разливается...

Лаская и успокаивая.

Зашелъ Васька въ одну избу—хозяйка къ празднику прибирается-хлопочетъ:

— Не взыщи—говоритъ—ступай себѣ съ Богомъ!

Въ другую—тоже.

И такъ обошелъ дворовъ двадцать—одинъ отвѣтъ.

Только одна попалась поразговорчивѣе.

— И безъ васъ: странниковъ,—говорить—намъ горе: мужей, сыновей да братьевъ у насъ, почитай всѣхъ до единого на войну согнали... Сколько ужъ жизни рѣшились!.. И праздникъ нынче не въ праздникъ... А тутъ еще вы, *шляющіеся*, докучаете! Да ты кто такой будешь-то? Откудова?

— На войну иду... Изъ Омска...

— Такой заморышъ, да войну!.. Да что у тебя родителей что ли нѣтъ?—заахала баба.

Васька разсказалъ свою жизнь. И когда говорилъ про мамку, да какъ его въ ученьи тиранили, даже прослезился.

Оглядѣла баба „воителя“ еще разъ, да и спрашиваетъ:

— А паспортъ то при тебѣ есть?

— „Какъ же! Безъ паспорта никакъ нельзя--солидно, не по дѣтски, отозвался Васька.

— А ну-ка покажи!

Васька досталъ съ креста изъ за пазухи платокъ, гдѣ были завязаны деньги и паспортъ и подалъ его хозяйкѣ.

— Ну ладно... Нынче у насъ строгости пошли... Начальство не велитъ безпаспортныхъ держать. По случаю войны—пояснила она—схожу-ка старостѣ покажу—годится ли? А ты—посиди...

И она оставила Ваську у себя, шепнувъ старшей дочери Акулькѣ, варившей яйца въ луковой шелухѣ на лежанкѣ, чтобы—„поглядывала“.

* *

Васька въ этотъ день, въ первый разъ, за мѣсяцъ странствій вымылся въ банѣ, переобуль новыя онучи на ногахъ, надѣлъ новую рубаху и штаны, бережно сохраняемые имъ въ котомкѣ.

И когда, вмѣстѣ съ семьей доброй хозяйки попалъ въ церковь, гдѣ хоръ школьниковъ и добровольцевъ

такъ складно-стройно пѣлъ: *Христось Воскресе изъ мерт-
выхъ!* — почувствовалъ себя — „аки въ раю“.

А въ первый день Пасхи къ хозяйкѣ въ гости пришли сосѣди — христосоваться.

И среди нихъ — одинъ родственникъ солдатъ на ко-
стыляхъ, только что вернувшійся съ войны.

Весь разговоръ только и вертелся о томъ; кто убить,
кто раненъ, кто замерзъ, да безъ вѣсти пропалъ... О пись-
махъ полученныхъ оттуда, изъ далекой и чужой Манджу-
ріи... О звѣрствахъ хунхузовъ и жестокостяхъ японцевъ...
О столахъ и ужасахъ битвъ и особенно — госпиталей...

Бабы ахали и плакали...

А старики вздыхали:

— Божеское наказаніе за грѣхи наши эта самая война!

Кляли молодежь, что „Бога забыли да родителей не
слушаютъ“.

„Прямо раззоръ намъ всѣмъ! — какъ сговорившись
повторяли всѣ по поводу войны.

И, впервые, она начала представляться Васкѣ вовсе
не такой интересной „забавой“, какъ она ему рисовалась
прежде.

А тутъ еще бабы-совѣтчицы пристають укоряють:

— Эхъ, паренекъ-паренекъ, что ты задумалъ! Не лад-
ное... Вертался бы ты лучше къ родителю своему!..
Да въ ноги ему: Прости, молъ, лукавый попуталъ!..

А ночью ему приснился сонъ:

Будто мамка его милая у Бога въ ногахъ валяется —
плачетъ: просить вразумить его, Васку, чтобы бросилъ
онъ глупости, объ отцѣ-бы вспомнилъ, да о сестрахъ...
Одна надежда у старика на него... Одинъ онъ кормилецъ
подъ старость...

И Христось будто бы, какъ и та учительница его
старая, головой грустно-грустно такъ качаетъ, да повто-
ряетъ:

— Грѣхъ, Вася, не только *убивать* ближняго своего, а
даже и ругаться-сердиться на кого либо!

И какъ тебѣ непрятно, что тебя обижали, такъ и

имъ—китайцамъ и японцамъ—тоже. Вѣдь такіе же они люди, какъ и всѣ! Опомнись Вася!

И ангелы, будто бы, поютъ какъ въ день Рожденія Спасителя:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣцехъ благоволеніе!“

* * *

Проснулся Вася поздно—заспался съ устали...

И думаетъ все про странный сонъ.

А веселый праздничный звонъ—гудитъ-переливается.

И отдается въ сердцѣ, будто говорить:

— Славно-хорошо на Божьемъ свѣтѣ. Надо быть только добрымъ да никому не дѣлать обиды!..

Вспоминаетъ онъ солдата на костыляхъ:

— Пропалъ вѣдь, человѣкъ! — Какой онъ теперь добытчикъ безъ ногъ-то!—ясно понимаетъ Вася.

И ядры, разрывающія на части человѣческія тѣла, раздробленные черепы, вываливающіяся кишки — весь этотъ пересказанный ужасъ войны представляется ему отчетливо.

Будто его самого, какъ свиную тушу у лавочника-мясника, разрубають...

А милая хозяйка подчуётъ:

— Покушалъ бы, Вася, разговѣлся на чужой сторонѣ-то! Ничего—не стыдись... Странніе—Божьи гости!..

И ему стыдно-больно дѣлается за свою прежнюю озлобленность на людей.

— Вѣдь вотъ есть же на свѣтѣ и хорошіе и добрые; Не одни злые... А я то думалъ: свѣтъ клиномъ на моемъ хозяйнѣ—сапожникѣ сошелся... Но даже и онъ уже не представлялся ему *теперь* такимъ плохимъ...

И такъ только — лишь строгимъ, да работающимъ... Который лѣнтаямъ потачки не даетъ...

По улицѣ народъ въ праздничной одеждѣ идетъ... Христосуются-цѣлуются.

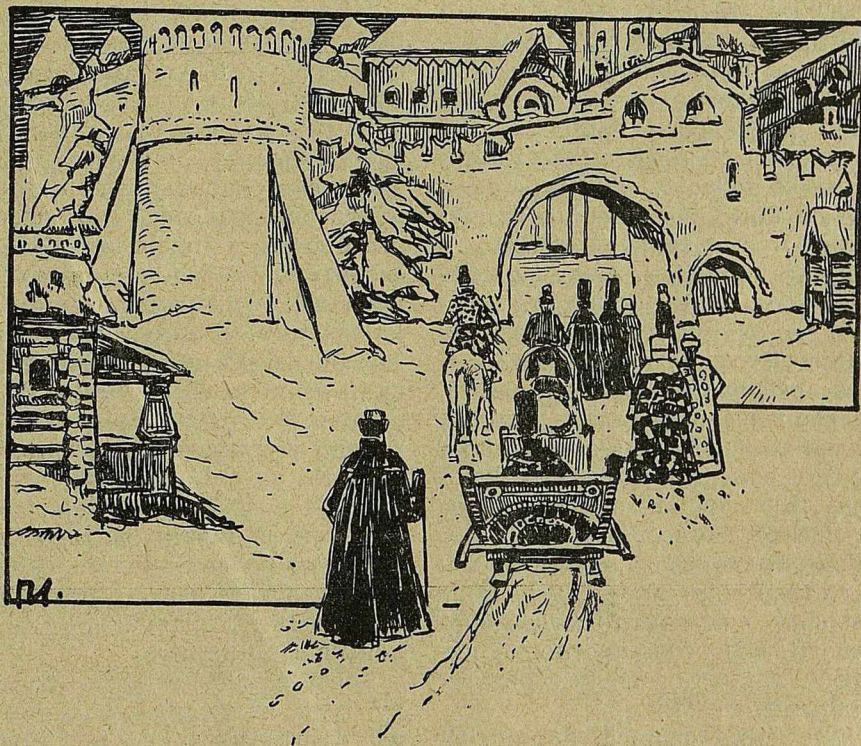
Колокола мягко-весело такъ уговариваютъ-успокаиваютъ...

И Васѣ начинаетъ казаться, что всѣ люди, дѣйстви-
тельно „братья между собой“: и чужіе, и дальніе, и на-
шей вѣры, и иной...

А черезъ недѣльку, поотдохнувъ, онъ уже зашагалъ
домой...

Твердо рѣшивъ идти къ отцу и во всемъ ему по-
каяться...

В. Анзими́ровъ.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

(Пасхальный рассказ).

У итальянскаго писателя,, Эдмонда д'Амичисъ есть небольшой прекрасный рассказъ: „Моя первая сигаретта.“ Вчера вечеромъ просматривая старые журналы, я случайно познакомился съ нимъ, заинтересовшись заглавіемъ и именемъ автора. Рассказъ этотъ воскресилъ въ моей памяти случай изъ давно прошедшаго времени, когда я былъ еще маленькимъ гимназистикомъ второго класса одной московской гимназіи. Да, господа, вчера я вспомнилъ исторію моей первой... не сигаретты—нѣтъ: о такой роскоши мы, гимназисты, могли только мечтать, а простой папиросы, папиросы фабрики Шапшаль за 3 коп. десятковъ. О, эта несчастная горькая папироса, сколько тяжелыхъ минутъ, сколько безсонныхъ ночей, сколько горя доставила ты мнѣ.

Какъ сейчасъ помню эту противную четырехугольную коробочку, какъ кушакомъ опоясанную желтоватой бандеролью.

Теперь, спустя сорокъ лѣтъ послѣ злосчастнаго случая, я не могу спокойно вспомнить этого злополучнаго дня, этой противной папиросы и плачу, плачу горькими обидными слезами.

Дѣло было ранней весной, на пятой недѣлѣ великаго поста. Я шелъ изъ гимназіи, сдвинувъ картузъ на затылокъ и распахнувъ пальто, что по моему должно было

быть очень красиво. Для пущей важности я пощипывалъ свою верхнюю губу и насвистывалъ какой то веселенькій мотивчикъ.

Мой путь, какъ и всегда, лежалъ мимо женской гимназіи, гдѣ училось много знакомыхъ мнѣ дѣвочекъ.

Когда, годомъ раньше, мнѣ впервые пришлось надѣть гимназическую форму, эту знаменитую сѣрую шинель съ офицерскими пуговицами и синюю съ бѣлымъ кантомъ фуражку, я пересталъ считать себя маленькимъ, удѣлялъ много вниманія своей „интересной“ внѣшности и рисовалъ себя въ своемъ воображеніи не то кавалерійскимъ офицеромъ, не то фельдмаршаломъ. Я аккуратнo два раза въ день мылъ свои руки; повязывалъ на ночь свою умную голову ленточкой, чтобъ приучить уши плотно прилегать къ головѣ, а не торчать во всѣ стороны, стригся уже „не подъ гребенку“, а „бобрикомъ“ и надѣвалъ на шею подъ мундиръ полоску бѣлаго картона, что въ зеркалѣ казалось мнѣ очень похожимъ на крахмальныи полотняный воротничекъ.

Когда зимой, укутанный, какъ чурбанъ, я выходилъ изъ дому, то на слѣдующемъ же перекресткѣ безжалостно сдиралъ съ головы напаяленный на меня башлыкъ, стягивалъ перчатки, папульсники и вообще приводилъ

себя въ „приличный“ видъ. Когда я подходилъ къ гимназiи, гдѣ учились мои прiятельницы, я сдвигалъ на бекрень свой картузь, распахивалъ пальто, и заложивъ руки въ карманы, шелъ медленной развалистой походкой, стараясь подражать знакомому мнѣ генералу Подобѣдову. Я бросалъ косые взгляды на встрѣчающихся мнѣ гимназистокъ и зорко слѣдилъ за впечатлѣніемъ, которое производилъ на нихъ своимъ видомъ.

Думаю, что успѣхъ у „женщинъ“ я имѣлъ. По крайней мѣрѣ при встрѣчѣ онѣ ласково кивали мнѣ своими головками, въ разговорѣ называли меня Николаемъ Николаевичемъ и только въ исключительныхъ случаяхъ—при старшихъ—звали просто Коленкой.

Но чтобы окончательно покорить сердца барышень я долженъ былъ во что бы то ни стало начать курить, и...

О, Господи!

Я началъ...

Я остановился противъ самой гимназiи и, вытащивъ изъ сапога заранѣе припасенную коробочку небрежно разорвалъ бандероль.

Моментъ, и я на глазахъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ поклонницъ, стиснувъ зубами мундшукъ папиросы и чиркнувъ спичку, пустилъ первый въ своей жизни клубъ дыма.

Я не буду описывать эффекта, какой произвела на присутствующихъ моя папироса.

Юлій Цезарь, одержавъ побѣду надъ врагами навѣрное не чувствовалъ себя такимъ героемъ, какъ я. Не буду утруждать вниманiя читателей и описанiемъ моего состоя-

нiя, когда я набралъ полный ротъ дыма, не зная что съ нимъ дѣлать и какъ избавиться отъ него. До сего дня я ощущаю во рту отвратительный запахъ своей первой и послѣдней въ жизни папиросы.

Я не буду рассказывать вамъ, какъ я кашлялъ, давился дымомъ, чихалъ чуть ли не плакалъ и перейду къ самому главному, къ тому, что перевернуло вверхъ ногами всю мою жизнь...

Какой то господинъ, проѣзжавшій по улицѣ, вдругъ остановилъ извозчика, вылѣзъ изъ саней и быстро направился ко мнѣ.

— Ты что дѣлаешь?

Съ быстротой молнiи я засунулъ папиросу въ карманъ, вытянулся по военному и взглянулъ въ лицо своему врагу. Передо мной стоялъ Петръ Ивановичъ Ивановъ, преподаватель физики въ нашей гимназiи. Я по привычкѣ поднялъ вверхъ правую руку.

— Ничего... я иду домой.

— Ага, домой... ты идешь домой... великолѣпно, прошипѣлъ Петръ Ивановичъ—какъ твоя фамилiя?

Назвать себя было бы верхомъ безумiя. Это значило бы выдать себя съ головой. Я брякнулъ первую подвернувшуюся на умъ фамилiю:

— Поповъ...

— Ага, Поповъ, дай твой билетъ.

— У меня билета нѣтъ; я забылъ его дома.

— Тогда садись со мной на извозчика и ѣдемъ назадъ въ гимназiю.

Положенiе было критическое. Впослѣдствii я узналъ, что такое положенiе называютъ „хуже губернаторскаго.“ Но тогда я еще не зная этого, да, признаться, и не

задумывался надъ тѣмъ, какъ назвать лучше свое положеніе.

Я чувствовалъ только надвигавшуюся опасность и долженъ былъ во что бы то ни стало избавиться отъ нея. Въ эту минуту я забылъ все: свою гордость, гимназистокъ смотрящихъ съ ужасомъ на меня, забылъ и тлѣющую въ моемъ карманѣ папироску. Какъ заяцъ врасплохъ застигнутый собакой я рѣшилъ искать спасенія при помощи своихъ ногъ, поднялъ полы моего длиннаго пальто, закинулъ ихъ на плечи и пустился на утекъ.

— Поповъ, Поповъ, погоди, куда ты услышалъ за собой голосъ Иванцова. Кто то изъ собравшейся толпы со смѣхомъ крикнулъ: держи, держи его. Какая то собаченка, случайная свидѣтельница моего позора была рада придратъ къ случаю и со звонкимъ пронзительнымъ лаемъ бросилась за мной вдогонку.

Господа, я страшно боялся собаки. Съ первыхъ лѣтъ моей жизни я не могъ спокойно видѣть собаки. Когда мнѣ приходилось проходить около собаченки, даже самой малюсенькой, мое сердце сжималось въ камочекъ и падало куда то внизъ. Но теперь, теперь мнѣ было все равно.

Лучше стать жертвой голодной собаченки, чѣмъ попастьъ въ лапы директора, и я бѣжалъ, бѣжалъ, какъ угорѣлый. Я мчался впередъ не обращая вниманія на прохожихъ, прыгая черезъ кучи снѣга и по подая въ лужи. Число моихъ преслѣдователей все увеличивалось; вмѣсто одной собаченки за мной гнались уже три. Какой то уличный мальчишка запустилъ въ меня снѣгомъ и залѣпилъ мнѣ ухо; а я все бѣжалъ.

Остановившись на мгновеніе, чтобъ перевести духъ, я оглянулся назадъ.

Иванцовъ гнался за мной, стоя въ саняхъ и держась одной рукой за плечо извозчика.

„Взбранный воеводе побѣдительная“... вспомнилъ я молитву, извѣщающую людей отъ опасности, и безотчетно повторяя ее поначалъ дальше.

Пробѣжавъ съ полверсты, я почувствовалъ, что начинаю хромать. Оказалось, что во время бѣгства я потерялъ одну калошу. А Иванцовъ между тѣмъ все приближался. Скинувъ на ходу оставшуюся мнѣ вѣрную калошу, я зачихалъ ее въ карманъ и продолжалъ свой бѣгъ подылай собаченокъ и насмѣшливыя крики лавочниковъ и извозчиковъ. Добѣжавъ до какого то переулка, я повернулъ въ него и притаился за воротами большого каменнаго дома. Не прошло и двухъ секундъ, какъ на поворотѣ показался извозчикъ Иванцова. Что дѣлать? Я бросился въ глубь двора. Мой преслѣдователь за мной. Я шмыгнулъ въ какой то подъѣздъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Внизу, почти слѣдомъ за мной хлопнула входная дверь и послышались тяжелые шаги. Жутко. Одинъ въ чужомъ домѣ на незнакомой лѣстницѣ. Позади неутомимый преслѣдователь, а впереди полнѣйшая неизвестность. Что ждетъ меня тамъ? На каждомъ поворотѣ можетъ встрѣтиться собака—ихъ всегда много на черныхъ лѣстницахъ—и тогда что? Позорно отдаваться въ руки Иванцова?

Нѣтъ. Никогда.

Смѣлѣй впередъ. Шагая черезъ три ступеньки, стараюсь не производить никакого шума, я сталъ подниматься по лѣстницѣ. Все выше

и выше. Второй этажъ, третій, четвертый, пятый... Конечъ. Дальше некуда. Впереди окно, налѣво-глухая стѣна, направо двѣ двери.

„Погибъ я мальчишка, погибъ навсегда“... Доносится изъ за двери чья то пѣсня. Не раздумывая долго влетаю въ чью то кухню и съ воплемъ: „ради Бога, не выдавайте,“ быстро залѣзаю подъ чью то кровать.

— —

Я не могу сказать, чтобъ на другой день, придя въ гимназію, я чувствовалъ себя особенно хорошо. Хотя вчерашняя исторія осталась не раскрытой; Иванцовъ меня не догналъ, и я, пролежавъ подъ кроватью добродушной кухарки полчаса, благополучно возвратился домой, всетаки какая то тяжесть лежала на моей душѣ и невидимая змѣя все утро сосала подъ ложечкой.

Я все время былъ, что называется, на чеку, прислушивался къ каждому голосу и шуму въ коридорѣ; дрожалъ и ежился при каждомъ появленіи надзирателя. Но день шелъ обычнымъ порядкомъ.

Я началъ уже успокаиваться и готовъ былъ похвалиться передъ товарищами своимъ геройскимъ поступкомъ, какъ вдругъ дверь въ классъ широко распахнулась, а я увидѣлъ входящаго директора, окруженного цѣлой свитой.

Весь классъ быстро вскочилъ и вытянулся за партами.

— Якубовскій Николай—пронеслось въ воздухъ.

У меня внутри, какъ мнѣ показалось, лопнула кишка, передъ глазами запрыгали свѣтлыя точки. Горячія струйки пробѣжали по

всему тѣлу отъ головы до ногъ. „Это душа уходитъ въ пятки“ съ ужасомъ я думаю; но все же одергиваю свой китель, поправляю ремень и выхожу на середину класса.

Директоръ пристально смотритъ на меня. Я собираю воедино все свое самообладаніе, стараюсь, чтобъ никто не замѣтилъ какъ трясутся мои колѣнки и не моргая смотрю на толстый носъ директора.

Въ классѣ мертвая тишина; кажется что люди перестали дышать.

„Дуракъ родился“—приходитъ мнѣ на умъ, и я едва сдерживаюсь, чтобъ не заявить этого громкогласно.

— Этотъ? — срыву спрашиваетъ директоръ тыча въ меня указательнымъ пальцемъ, Иванцовъ молча киваетъ головой.

— Негодяй! Тебѣ мѣсто не въ гимназіи, а въ арестанскихъ ротахъ.

— Пав... Павелъ Ив...

— Молчать! Ты будешь исключенъ.

— Твоя фамилія Поповъ?—ехидно спрашиваетъ Иванцовъ.

Я молчу. Директоръ торжественно развертываетъ принесенный съ собой свертокъ и вытаскиваетъ на свѣтъ Божій мою калошу. Онъ тычетъ ею мнѣ въ носъ.

— Что что?

— Это... калоша заикаясь бормочу я.

— Я и безъ тебя знаю, что это калоша, но только спрашивается, чья это калоша?

— Это калоша не моя—храбро заявляю я—мои калоши обѣ цѣлы; спросите у швейцара.

— Зареви, зареви — доносится до меня съ задней парты хриплый шопотъ Поганкина — зареви.

Я вспоминаю, что вовремя заревѣть—самое лучшее средство; начинаю морщить лицо, тереть глаза и черезъ секунду раздражаюсь страшнымъ ревомъ.

— Это не моя ка...а...лоша... Я не знаю, чья это ка...лоша...а...а...

Вотъ уже полчаса стою я въ актовомъ залѣ, за дверью которой засѣдаетъ педагогическій совѣтъ. До меня доносятся лишь отдѣльные слова, обрывки фразъ, но и по нимъ я могу уже судить, что дѣла мои плохи. Наконецъ отво-

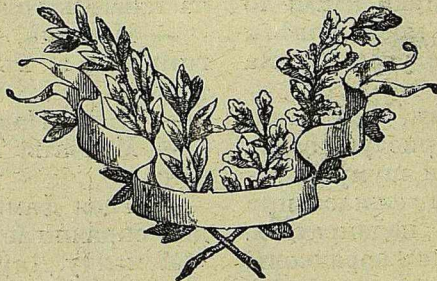
рывается дверь, и директоръ, криво улыбаясь, передаетъ мнѣ запечатанный конвертъ.

— Передай своимъ родителямъ красное яичко къ Свѣтлому празднику—ты исключень...

„Дуракъ я буду передавать“—мысленно рѣшаю я и, шаркнувъ по привычкѣ ногой, иду въ раздѣвальню.

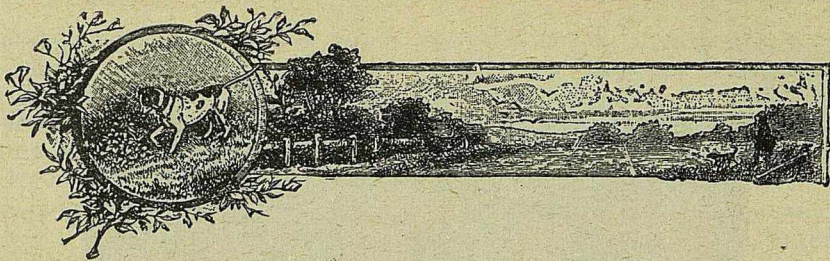
А невидимая змѣя еще сильнѣе начинаетъ сосать подъ ложечкой.

Н. Якубовскій.

Лакомка.

Лишнее зернышко.

С К А З К А.

Подъ крышей избы у дѣда Пахома жили-были Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ. Дружно жили Воробей съ Мышкой, такъ же дружно, какъ и дѣдъ Пахомъ съ бабкой Устиньей.

Дѣдъ съ бабкой пчелинымъ дѣломъ занимались, пасѣка у нихъ была, а Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ зернышки да пухъ собирали, зиму встрѣчать готовились. Не мало требовалось запасовъ на зиму собрать. Морозы зимой лютые: вороны на-лету замерзаютъ. А ужъ коли вороны замерзаютъ, такъ Воробью съ Мышкой и подавно носу никуда показать нельзя.

Вотъ и старались Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ. Каждое зернышко въ норку свою тащили, каждое перышко волокли, чтобы теплѣе да сытнѣе было. Домовитые, бережливые были Воробей съ Мышкой. Много у нихъ всякихъ запасовъ оказалось въ избыткѣ. Отъ каждой зимы не мало всякаго добра оставалось. А Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ прожили вмѣстѣ ни мало—ни много четыре года.

Жить бы имъ да поживать, да добра всякаго побольше наживать—вѣкъ бы цѣлый въ теплѣ да въ сытости пожить—такъ нѣтъ, надо было поссориться.

Изъ-за пустяковъ и дѣло-то вышло. Случилось это въ

праздникъ. Съ утра еще улетѣлъ Воробей-Говорунъ, а куда,— Мышка-Вострушка толкомъ и не знала. Улетѣлъ да и все. Надо, говорить, по дѣлу въ одномъ мѣстѣ побывать, да и въ городъ по дорогѣ заглянуть не мѣшаетъ: соли купить. Только всего и сказалъ.

Ладно. Только проходитъ часъ, другой, третій, а Воробья все нѣтъ. Не разъ выбѣгала Мышка-Вострушка за околицу, Воробья ожидая, а его все нѣтъ и нѣтъ.

Время уже къ обѣду подошло. Взгрустнула Мышка-Вострушка, поплакала и сѣла одна обѣдать. Да ужъ гдѣ тутъ обѣдать: кусокъ въ горло нейдетъ. Безпокойство охватило Мышку: а ну какъ случилось съ нимъ что.

Вечеромъ только Воробей домой пожаловалъ — пьяный-распьянный, качается во всѣ стороны, языкомъ ни вѣсть что плететъ: ужъ и умнѣе-то его никого нѣтъ, и домовитѣе-то никого не сыскать, и еще что-то, чего и понять нельзя. Бахвалится Воробей, какъ мужикъ подвыпившій. Однимъ словомъ, въ его пьяной болтовнѣ выходитъ такъ, что не будь его на свѣтѣ, умереть бы Мышкѣ голодной смертью безъ покаянія. Обидно стало это Мышкѣ вотъ какъ... Плакала она, къ обѣду обидчика своего ожидая, а тутъ и слезы высохли.

— Ну чего ты куражишься-то, — дуракъ пьяный. Обѣдалъ бы да ложился бы спать лучше.

— Это кто — дуракъ? — воинственно растопырилъ Воробей свои перья.

— Сосѣдъ. Вонъ тотъ, который сейчасъ проѣхалъ, — сердито сказала Мышка: — вотъ кто!

— Нѣтъ, ты скажи, это я дуракъ. Это ты меня дуракомъ обругала?

— Ну и дуракъ, коли глупости мелешь.

— Ахъ ты, кикимора мокрая! — подбоченился Воробей.

— И неправда, что я мокрая, — завизжала не своимъ голосомъ Мышка: — Это про меня только такъ говорятъ — мокрый, какъ мышь... А вотъ ты, дуракъ пьяный, и вправду размокъ. Ишь, какъ напился...

— Это я то размокъ?

Воробей подскочилъ и изо всей силы ударилъ Вострушку клювомъ по головѣ. Мышка не будь плоха, пребольно укуси-

ла его за псгу. И пошла потасовка. Боже ты мой, что тутъ за драка была! У Воробья перья ключьями летѣли, а у Мышки шерсть клубомъ. Вотъ какъ удружилъ ей Воробей. Но не сдавалась и Мышка: недаромъ она Вострушкой называлась.

— Не хочу я больше жить съ тобой,—кричалъ Воробей. Видѣть тебя не могу больше.

— И я больше не желаю съ тобой жить, безстыжіе твои глаза,—визжала Мышка:—Будетъ, попилъ ты моей крови.

— Поглядимъ, какъ ты безъ меня жить будешь,—куражился Воробей, охая и потирая ушибленные мѣста: Ну-ка, нечего время терять: отдавай мнѣ мое добро.

— Ну ужъ нѣтъ... Что бы я свое кровное да тебѣ, пьяницѣ, пожертвовала?

Долго еще перепирались Мышка и Воробей и рѣшили, что по справедливости нужно все добро пополамъ раздѣлить. Только стали они дѣлить—никакъ пополамъ не получается: одно лишнее зернышко остается. И никто не хочетъ уступить лишняго зернышка ни Мышка, ни Воробей. Мышка говоритъ: „мое зернышко“, Воробей говоритъ: „мое“.

Пошли они на судъ къ дѣду Пахому. Дѣдъ на травкѣ лежалъ, спину старую грѣлъ.

— Не поладили что-ли — признавайтесь?—пошутилъ дѣдъ.

— Да какъ съ нимъ, съ разбойникомъ, поладишь? — заплакала Мышка: напился безстыжій, да и давай куражиться: думаетъ на таковскую напалъ. Разсуди ты насъ, добрый чelовѣкъ.

— Да въ чемъ дѣло-то,—спросилъ дѣдъ.

— Не хочу я больше съ нимъ, съ разбойникомъ и драчуномъ жить. Начали мы съ нимъ добро дѣлить, а онъ, безстыжіе глаза, лишнее зернышко къ себѣ тянетъ: не отдамъ, говорить.

— И не отдамъ,—сердито пробурчалъ Воробей.

— Ну, это дѣло мудреное: сразу васъ не разсудишь, сказаль дѣдъ, подумавъ:—А вы приходите завтра. Може надумаю что, скажу тогда.

— Потомъ спросилъ:

— А гдѣ у васъ добро-то?

Подъ крышей, на чердакѣ въ правомъ уголочкѣ,—просто-душно сказала Мышка.

— Ну, такъ ладно. Завтра, говорю, приходите,—загадочно улыбался дѣдъ.—Завтра и рѣшеніе мое будетъ.

Ушли отъ дѣда Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ и снова подрались—не стали дожидаться дѣдова рѣшенія.

— Не отдамъ зернышка,—визжала Мышка-острушка.— Скорѣе въ могилу лягу. До самого царя дойду, а не отдамъ.

— Ладно,—пробурчалъ Воробей,—знаю и я къ царю дорогу, погоди ты у меня!

Побѣжала Мышка ко Льву, царю звѣрей и пожаловалась на Воробья: про всѣ свои обиды рассказала. А Воробей успѣлъ ужъ къ своему царю слетать—къ Орлу.

И вотъ сошлись въ лѣсу на полянѣ Орелъ и Левъ и стали судить да рядить, кто правъ: Мышка или Воробей, кому отдать лишнее зернышко.

— Мышкѣ отдать,—рычалъ Левъ.

— Воробью,—клекоталъ Орелъ.

Судили-рядили цѣлый день и рѣшили споръ войной разрѣшить. Собралъ Левъ войско изъ мышей, а Орелъ изъ воробьевъ и пошли войной другъ на друга.

Въ чистомъ полѣ, около стараго дуба, произошла битва мышей и воробьевъ. Мышами командовалъ Левъ, а воробьями—Орелъ, а Мышка-Вострушка и Воробей-Говорунъ взобрались на самую верхушку дуба и стали ждать, кто побѣдитъ. Два дня и двѣ ночи кипѣлъ бой. Не мало полегло среди чистаго поля мышей и воробьевъ.

Наконецъ не выдержали Воробей-Говорунъ съ Мышкой-Вострушкой. Побѣжала Мышка ко Льву и говоритъ:

— Распусти ты, царь, войско мышиное. Не надо мнѣ лишняго зернышка.

А Воробей-Говорунъ къ Орлу полетѣлъ:

— Передумалъ я, царь, не надо мнѣ лишняго зернышка. Распусти ты, пожалуйста, воробьевъ по домамъ. Дѣти у нихъ дома-то малые.

И тутъ же помирились Воробей съ Мышкой.

— Прости ты меня, Мышка, окаяннаго, Христа-ради. Воробьевъ-то я изъ-за жадности погубилъ сколько. Сиротъ-то сколько оставилъ,—плакался Воробей.

— А мышенятъ-то сколько сиротами осталось, — сказала Мышка: Ну да ужъ ладно, Богъ тебя проститъ глупаго. — Прости и ты меня.

— Простите меня, православные, обратился Воробей къ уцѣлѣвшему воробьиному войску.

— Богъ проститъ. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Впередъ только не скандалъ.

— Да ужъ что тамъ...

Поцѣловались Воробей съ Мышкой-Вострушкой и стали убитыхъ хоронить, а потомъ пошли домой. А дома-то ничего и нѣтъ: дочиста ограбили Воробья съ Мышкой воры неизвѣстные, зернышка не оставили. Даже того зернышка не осталось, изъ-за котораго они столько грѣха на душу приняли.

Заплакали съ досады Воробей съ Мышкой, да что станешь дѣлать.

А дѣдъ только ухмыляется загадочно. Два дня ухмылялся, а на третій приходитъ и говорить:

— Надо-бы васъ, скандалистовъ, наказать. Ой, какъ надо-бы... Да ужъ ладно: сердце у меня доброе — получайте обратно ваше добро. Только чуръ — у меня больше не скандалить.

— Вотъ спасибо тебѣ-дѣдушка. Вотъ спасибо, — обрадовались Воробей съ Мышкой.

И стали они съ тѣхъ поръ тихо да мирно жить да грѣхи замаливать. А все добро свое сиротамъ мишинымъ и воробьинымъ пожертвовали.

М. Росляковъ.

ГОЛЬФСТРЕМЪ.

(Чудовища морского дна).

Солнце привѣтливо сіяло на голубомъ безоблачномъ небѣ. Атлантикъ былъ тихъ, и гладкая зеркальная поверхность воды его отъ горячихъ лучей солнца ярко блестѣла, какъ прозрачное стекло, игриво переливаясь и отражая въ себѣ различные оттѣнки изумруднаго цвѣта. Гордо выступая впередъ и разсѣкая своею могучею грудью океанъ, мчался на всѣхъ парахъ въ Нью-Йоркъ пароходъ „Городъ Римъ“.

На чистой, какъ снѣгъ, его палубѣ, у каюты перваго класса, собралась кучка пассажировъ, во главѣ съ капитаномъ Макъ-Кензи, горячо и оживленно о чемъ то бесѣдуя.

— Скажите, любезный капитанъ, щебеча своимъ звонкимъ голоскомъ обратилась къ Макъ-Кензи красивая блондинка, пассажирка 1-го класса миссъ Люція-Смитъ,

— Я слышала, что въ океанахъ существуютъ какія-то заколдованные чудовища—карабли, плавающие безъ капитана и экипажа,—правда ли это, или нѣтъ, сэръ?

Старый капитанъ Макъ-Кензи мирно раскуривалъ свою трубку и съ любезной улыбкой на добродушномъ лицѣ отвѣтилъ:

— Да, имѣются таковыя суда, но вы лучше обратитесь, миссъ Смитъ, съ этимъ вопросомъ къ океано-графу мистеру Грантъ; онъ, надѣюсь, не откажется посвятить васъ въ таинственную жизнь этихъ загадочныхъ чудовищъ моря.

Не успѣлъ капитанъ проговорить

последней фразы, какъ на палубѣ, показался самъ мистеръ Грантъ.

Это былъ высокій, плотный брюнетъ съ широкими плечами и загорѣлымъ лицомъ, на которомъ отважная жизнь моряка, рѣзко и отчетливо провела одну характерную черту: желѣзную волю.

— Мистеръ Грантъ! вы легки на поминъ: мы только что говорили о васъ. Пожалуйста, будьте любезны, расскажите новаго за послѣднее время о корабляхъ, плавающихъ подъ водой, а я, къ сожалѣнію, долженъ сейчасъ итти на верхній мостикъ, провѣрить „пѣлькомпасъ“.*

И съ этими словами капитанъ оставилъ любопытныхъ пассажировъ съ мистеромъ Грантъ.

Предложивъ пассажирамъ присѣсть, Грантъ началъ свой рассказъ:

— Много лѣтъ плавалъ я по морямъ и океанамъ, не разъ подвергался я опасностямъ, много пережилъ страха и ужаса, и все же столько интереснаго и поучительнаго дали мнѣ эти путешествія, что я не только не жалѣю прошлыхъ лѣтъ, но даже съ восторгомъ вспоминаю все, что пришлось мнѣ увидѣть.

Сколько познаній можетъ пріобрѣсти человекъ, путешествуя по вселенной. Ни одна книга, ни долгіе годы научныхъ изслѣдованій не дадутъ такихъ

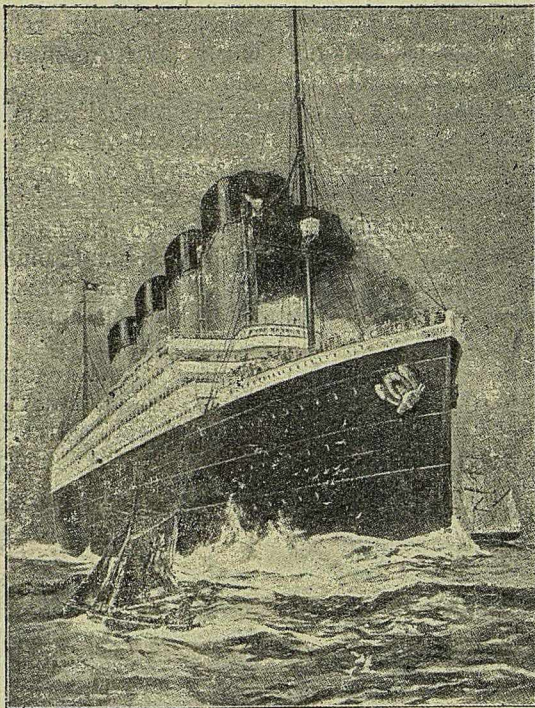
*) Пѣль-компасъ—инструментъ, при помощи котораго берутся направленія на предметы видѣнные на горизонтѣ.

яркихъ, такихъ живыхъ представленій о жизни въ моряхъ и океанахъ, какъ личныя впечатлѣнія и наблюденія. Въдѣ тамъ, на днѣ океановъ, такъ же какъ и на сушѣ, есть свои пещеры, долины и горы, тамъ растутъ исполинскіе лѣса-водорослей въ десятки сажень вышиной, среди которыхъ ютятся цѣлыми миллионами разнообразныя морскія животныя, рыбы и мягкотѣлыя.

и океановъ; беспроводный телеграфъ принесъ также не малую пользу въ дѣлѣ изслѣдованія подводнаго царства, но все это пока капля въ морѣ.

Много еще неизвѣстнаго, много еще непонятныхъ намъ и загадочныхъ явленій совершается въ моряхъ и океанахъ!

Да вотъ хотя бы эти морскія чудовища-корабли безъ капитана и экипа-

Тамъ свое царство, свой особый міръ, чуждый, далекій и мало еще знакомый человѣку.

Правда, научныя экспедиціи судовъ дали огромный матеріалъ для изученія жизни дна морей

жа, которыми вы такъ заинтересовались.

Вы называете ихъ загадочными, да и не вы одни, господа; съ ихъ именами связаны цѣлыя легенды, наводящія страхъ и ужасъ даже на бы-

валыхъ моряковъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти чудовища представляютъ большую опасность и для плавающихъ по морю каравановъ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще стали происходить случаи столкновенія съ такими вотъ странствующими подъ водою кораблями пароходовъ, идущихъ изъ Европы по пути въ Новый Орлеанъ и Вестъ Индію.

Что же это за чудовища? Откуда берутся эти таинственные странники въ моряхъ и океанахъ.

Взгляните только за бортъ парохода и вы увидите тамъ на горизонтѣ разные цвѣта воды. Это теченіе Гольфстрема, въ которомъ совмѣщается, собственно, отъ двухъ до шести теченій, различныхъ между собою по плотности воды и быстротѣ движенія.

И вотъ въ этихъ то безбрежныхъ морскихъ рѣкахъ, текущихъ отъ Мексиканскаго залива къ берегамъ Норвегіи и обратно и носятся чудовища, странствующие корабли, управляемые таинственной силою морскихъ теченій.

Тысячи судовъ большихъ и малыхъ плаваютъ въ Атлантическомъ океанѣ, и многіе изъ нихъ находятъ себѣ вѣчную могилу на днѣ океана, на глубинѣ 2—3 верстъ.

Сотни лѣтъ лежатъ они тамъ, обросшіе ракушками, полипами, съ полнымъ грузомъ, иногда совсѣмъ почти неповрежденные.

Иногда эти затонувшіе корабли, вслѣдствіе вулканическихъ толчковъ дна океана, поднимаются вверхъ и далеко уносятся подводными теченіями.

Эти старые могиканы временъ Колумба, Кука и другихъ, какъ закупоренные ящики, скитаются по дну океана и лишь изрѣдка выплываютъ изъ подъ воды на свѣтъ Божій, чтобы взглянуть на быстро несущіеся пароходы...

Такъ, совсѣмъ недавно на чистыхъ водахъ теченія Гольфстрема, среди зеленыхъ полей водорослей, были замѣчены три корабля, нагруженные лѣсомъ и управляемые таинственною силою моря.

Точно были выслѣжены курсы ихъ плаванія и занесены даже на морскую карту „Pilot Chart“ въ іюнѣ 30-го 1911 года.

Два изъ нихъ всегда дѣлали правильные рейсы отъ юго-запада къ юго-востоку и снова исчезали на нѣкоторое время въ теченіи Гольфстрема. Точное вычисленіе показало, что они каждый день проходили около 200 верстъ.

Третій странствующій корабль былъ Норвежскій баркъ „Crown“. Этотъ шель не болѣе двѣнадцати верстъ въ часъ, отъ востока къ западу и послѣдній разъ былъ виденъ на горизонтѣ 28-го іюня 1911 года.

Этотъ баркъ „Crown“ сдѣлалъ въ продолженіи 3 мѣсяцевъ болѣе 900 верстъ безъ капитана и экипажа, и все-таки не былъ пойманъ.

До сего времени онъ гуляетъ на просторѣ Атлантическаго океана, не смотря на то, что правительство Соед. Шт. послало крейсеръ „Seneca“, съ цѣлью уничтожить плавающий корабль подъ водою.

Американская же шкуна „Fannie E. Wilson“, кажется, побилла рекордъ надъ всѣми плавающими чудовищами безъ капитана и экипажа. Она въ 1891 году въ октябрѣ мѣсяцѣ была недалеко отъ мыса Фенистеръ застигнута штормомъ и покинута экипажемъ на произволъ судьбы.

Черезъ три года „Fannie E. Wilson“, сдѣлавъ по Атлантическому океану 17.500 верстъ или 10.000 морскихъ миль по разнымъ направленіямъ, пришла къ тому же мѣсту, откуда начала свое загадочное плаваніе подъ водою...

— Боже! что рассказываетъ мистеръ Грантъ, перебила его Люція Смитъ:— это кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, болѣе фантастическимъ, чѣмъ у Жюль Вернъ и Клэркъ Русселя“.

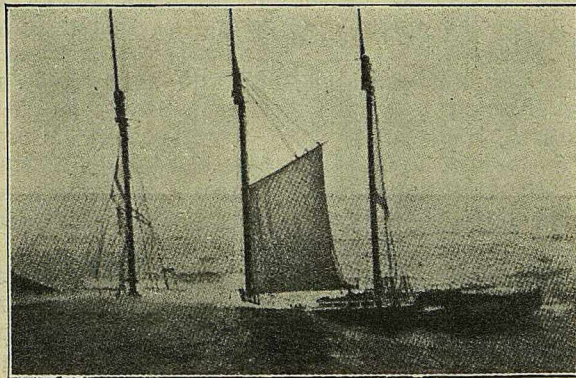
— Что же я могу сдѣлать, лэди, съ загадочными силами теченій океановъ? Все, что я говорилъ вамъ — сущая правда.

— Но я никогда не думала, что такія вещи существуютъ въ дѣйствительности.

— Простите, миссъ Смитъ, но я долженъ закончить свой разказъ.

Люди, не знакомые съ моремъ думаютъ, что отыскать въ океанѣ странствующее полуразрушенное судно безъ капитана и команды, очень трудно, почти что не возможно. Между тѣмъ, это не совсѣмъ такъ: на морскихъ картахъ Атлантическаго океана точно обозначены всѣ опасности, такъ что капитанъ судна всегда видитъ ихъ за нѣсколько миль.

Какъ англійское, такъ и сѣвероамериканское, правительства строго слѣдятъ и за этими опасными морскими врагами, плавающими подъ водой и посылаютъ военные крейсера,

Шкуна Фанни Е. Вильсонъ въ теченіи Гольфстрема.

Итакъ, эта шкуна пропутешествовала подъ водой 17500 верстъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ сотоварищемъ, болѣе раннимъ, со шкуною „W. f. White“ которая была покинута экипажемъ въ страшную снѣжную бурю около мыса Делававе въ 1888году.

Переплывъ Атлантическій океанъ въ разрушенномъ видѣ, эта шкуна сдѣлала въ 310 дней своего плаванія 6800 миль, т.е. болѣе 11900 верстъ.

чтобы истреблять эти подводные корабли или же наносить ихъ пути на карту.

Правда, иногда эти мѣры не приводятъ къ положительнымъ результатамъ. Такъ напримѣръ, недавно покинутый командой баркъ „Siddartha“ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставался на самомъ пути пароходовъ, идущихъ изъ Европы въ сѣверные штаты Америки. Онъ свобод-

но проплылъ болѣе 700 верстъ, не смотря на всѣ старанія крейсеровъ и пароходовъ поймать или затопить его, и вдругъ самъ наскочилъ на подводные камни около Ирландіи.

— Мистеръ Грантъ! вы столько наговорили намъ ужасовъ, что мы, пожалуй струсимъ и не станемъ продолжать свое путешествіе, вы вѣдь только сами говорили, какъ полезны и интересны они!

— Ну, моряки не такъ-то пугаются этихъ караблей, они смѣло борются со всѣми опасностями и бороздятъ себѣ моря и океаны, отвѣтилъ мистеръ Грантъ.

— Расскажите же намъ, мистеръ Грантъ—обратился къ нему молодой человѣкъ изъ группы слушателей, еще что нибудь изъ жизни дна морского. Скажите, бываютъ-ли такіе подводные путешественники—корабли и въ Великомъ океанѣ?

— О, да, конечно! Вѣдь и тамъ, какъ извѣстно, есть морскія теченія, силою которыхъ носятся по океану эти чудовища. Не такъ давно была прислана телеграмма изъ Читоганга*) капитаномъ Шарпъ съ карабля „Лохъ-Несъ“ въ Лондонъ.

Вотъ что пишетъ капитанъ:—Когда я шелъ изъ Калькутты въ Читогангъ подъ зарифленными марселями, то неподалеку, на горизонтѣ, мы увидѣли на бушующемъ Бенгальскомъ заливѣ четырехъ-мачтовый бѣлый корабль, который то скрываясь совсѣмъ въ высокихъ волнахъ океана, то снова показываясь, шелъ къ острову Цейлону. Онъ потерялъ уже всѣ мачты и бушпритъ, а также и часть бортовъ; оставшіеся борта были смяты и разрушены; шлюпокъ на кораблѣ уже не было. Казалось, что онъ уже дол-

гое время бродилъ по произволу судьбы безъ капитана и экипажа. Его борта обросли уже ракушками, а на обломанныхъ мачтахъ торчали куски полиповъ. Я старался подойти къ нему какъ можно ближе, чтобы разсмотрѣть его названіе, но, къ сожаленію, по случаю сильнаго вѣтра Манзунда, этого мнѣ не удалось сдѣлать, и я такъ не знаю, кто такой этотъ странствующій бродяга Тихаго океана. Черезъ мѣсяцъ послѣ извѣщенія капитана съ „Лохъ-Несъ“ получено было въ Лондонскомъ бюро „Морскихъ географическихъ изслѣдованій“ новое подтвержденіе его.

Сюда вновь сообщили, что около береговъ острова Цейлона, на сѣверо-востокъ отъ него, погибъ бѣлый четырехъ-мачтовый корабль на глубинѣ 20 сажень.

Было сообщено объ этомъ также и въ главную контору лоцмановъ.

Тѣ сейчасъ же не медля ни минуты отправили партію водолазовъ на пароходѣ „Sindar“, чтобы вытащить затонувшее судно.

Странно то—рассказывалъ мистеръ Грантъ,—что по пріѣздѣ водолазовъ послѣмѣсячныхъ поисковъ затонувшаго судна, они нашли его въ 30 миляхъ отъ того мѣста, гдѣ оно погибло.

Когда первая партія водолазовъ спускалась на глубокое дно океана, то глубина его здѣсь была всего лишь 17 сажень, а вода до того чиста и прозрачна, что со шлюпки можно было видѣть палубу погибшаго судна. Между тѣмъ, водолазы были вытащены мертвыми.

Это такъ встревожило остальныхъ водолазовъ, что они отказались отъ работы по поднятію корабля.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Затонувшій корабль опять былъ снесенъ теченіемъ и исчезъ неизвѣстно куда.

*) Читогангъ городъ въ О. Индіи.

Но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1912 г. удалось намъ извлечь „Стеллу“—такъ назывался морской бродяга—изъ воды.

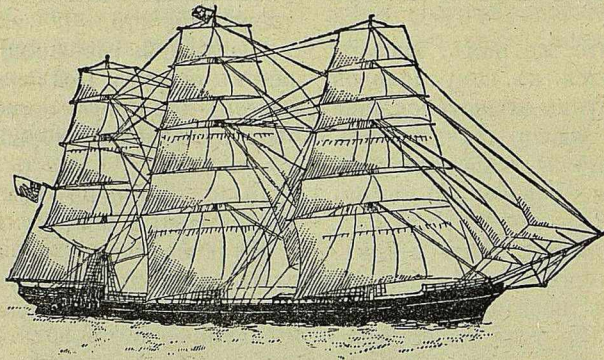
И при поднятіи его чуть не погибъ знаменитый водолазъ съ новымъ воздушнымъ аппаратомъ Томъ Кэлярни.

— Отчего же онъ чуть не погибъ? спросили въ одинъ голосъ слушатели у мистера Гранта.

— Отъ очень простой причины, отъ семейства спрутовъ, которые завладѣли капитанской каютой и салономъ пассажировъ.

отвѣтилъ:—Если вы такъ интересуетесь этимъ, то я съ удовольствіемъ расскажу вамъ все по порядку.

Такъ вотъ, когда водолазы отказались идти въ воду, объ этомъ дали знать въ Лондонское бюро. Тогда въ нѣкоторыхъ Лондонскихъ газетахъ сдѣлали объявленіе, въ которомъ предлагалось желающимъ достать со дна моря затонувшее судно за большое вознагражденіе въ 500 000 рублей, такъ какъ грузъ „Стеллы“ стоилъ около милліона рублей, да стальной

Корабль „Стелла“ до крушенія.

Ихъ тамъ оказалось болѣе дюжины, и нѣкоторые изъ нихъ были колоссальныхъ размѣровъ; были тамъ, наприкладъ, такіе гиганты спруты, у которыхъ каждая лапа отростокъ доходила до 10 футовъ, а такихъ лапъ у каждаго животнаго бываетъ по восьми. Вотъ еще какія чудовища подводнаго царства населяютъ глубокіе океаны, сказалъ Грантъ, и умолкъ.

— А вы не знаете, мистеръ Грантъ, подробностей о томъ, какъ доставали „Стеллу“, спросила миссъ Смитъ.

Польщенный интересомъ слушателей къ его разсказу, мистеръ Грантъ

корпусъ около трехъ сотъ тысячъ рублей.

Очень скоро нашелся смѣльчакъ, охотникъ,—это былъ неустрашимый здоровый ирландецъ Томъ Кэлярни.

Томъ отправился на работу съ только что изобрѣтеннымъ воздушнымъ ящикомъ и стальнымъ неводомъ отъ акулъ.

Воздушный ящикъ былъ прикрѣпленъ у него за спиною и снабжалъ его чистымъ воздухомъ при работѣ въ водѣ.

Вотъ что Томъ говорилъ своимъ товарищамъ по ремеслу:

— Когда мой помощникъ Фредъ завинтилъ толстое хрустальное стекло спереди мѣднаго колпака на моей головѣ и стукнулъ по верху, что означало, съ Богомъ, другъ, спускайся!“, я сразу же сталъ погружаться въ зеркальную влагу, до того чистую и прозрачную, что я видѣлъ все во кругъ себя на большое разстояніе.

Вотъ, наконецъ, я на палубѣ „Стеллы“. Она лежала на ровномъ килѣ. Теченіе океана было здѣсь очень сильно; веревки, которые кое гдѣ еще висѣли, плавали по теченію.

Прежде всего я поинтересовался узнать, отчего затонула „Стелла“ и спустился на самое дно Тихаго океана.

Оно было ровно и чисто и раскрашено разноцвѣтными водорослями и раковинками, какъ великолѣпный чудный коверъ.

Рыбки, рачки, медузы чудныхъ формъ и окрасокъ кружились, ползали и копошились въ поискахъ за пищей.

„Я“, говорилъ Томъ: все стоялъ и любовался на загадочное царство, котораго никакъ еще не можетъ побѣдить человѣкъ на глубинѣ даже 30 саж; проникнуть же глубже, я думаю, ему едва ли удастся когда либо.

„Виджу“, говорилъ Томъ: вдалекѣ плаваютъ и пила, и мечъ и тихо такъ гоняются за бонидами, а тѣ, въ свою очередь, за летучими рыбками, и все это происходитъ вблизи отъ меня, на разстояніе какихъ-либо 30-40 сажень.

Полюбовавшись еще разъ на прекрасную картину морского царства, я пошелъ, наконецъ, вокругъ „Стеллы“. Съ перваго взгляда я понялъ, что она погибла потому, что попала въ смерчъ.

Затѣмъ я снова взобрался на палубу, а оттуда пошелъ къ каютѣ капитана. На палубѣ все было въ порядкѣ, даже маленькій колоколь съ над-

писью: „Стелла“ еще висѣлъ у компаса.

Штурвалъ былъ цѣлъ, но онъ сильно обросъ ракушками; стекла въ каютѣ были разбиты, а также и въ свѣтовомъ люкѣ салона перваго класса.

Осмотрѣвъ палубу, я направился къ каютѣ капитана. Двери, ведущія въ нее, были сорваны, и внутри было нѣсколько темновато.

Я вошелъ туда и вдругъ почувствовалъ себя въ чихъ-то объятіяхъ, точно въ тискахъ.

Не успѣлъ я и вскрикнуть, какъ былъ увлеченъ кѣмъ-то въ глубь каюты, въ темную пропасть судна.

Одновременно я почувствовалъ, что вокругъ моего тѣла шевелится что-то скользкое, круглое; оно сжимаетъ и бьетъ меня по колпаку.

Я хотѣлъ было отрыть клапанъ, такъ какъ почувствовалъ, что мнѣ не хватаетъ воздуха, но рука не могла двигатся: была опутана какой-то веревкой.

Тутъ только я понялъ, что это были спруты—осьминоги, которые въ большомъ количествѣ водятся у береговъ острова Явы и другихъ.

Ну, думаю, теперь крышка тебѣ, Томъ, но все же не упалъ духомъ, и съ большимъ трудомъ высвободивъ одну руку, я досталъ свой ножъ и началъ рѣзать своего врага.

Долго боролся я съ нимъ и наконецъ почувствовалъ себя свободнымъ.

Иду дальше—самъ не знаю, куда; тьма вездѣ; бродилъ, бродилъ, наконецъ добрался до выходного люка. Но и тутъ несчастье: пѣтъ лѣстницы, а безъ нея подняться не могу. Слишкомъ тяжелы были мои грузила на ногахъ и на груди. Тогда я срѣзалъ съ груди свинцовыя грузила и, снявъ башмаки и сразу же пошелъ вверхъ и очутился какъ разъ подъ разбитой свѣтовой рамой каюты.

Я вылѣзъ черезъ нее и поднялся

на поверхность воды. Мой сигнальщикъ Фредъ подумалъ уже, что я умеръ подъ водою, и очень обрадовался, когда увидѣлъ меня. Съ горячею поспѣшностью и ловкостью онъ отвинтилъ стекло въ моемъ колпакѣ, и я съ жадностью началъ вдыхать свѣжій воздухъ, пока не упалъ въ обморокъ.

Только на другой день я пришелъ совершенно въ себя и, съ помощью инженеровъ, приступилъ къ работѣ.

Закупоривъ двери въ каюту и свѣтовой поломанный люкъ, мы выкачали насосами воду изъ лазарета, каюты и салона, и „Стелла“ всплыла наверхъ.

Но все же мнѣ не удалось получить большой гонораръ за эту работу.

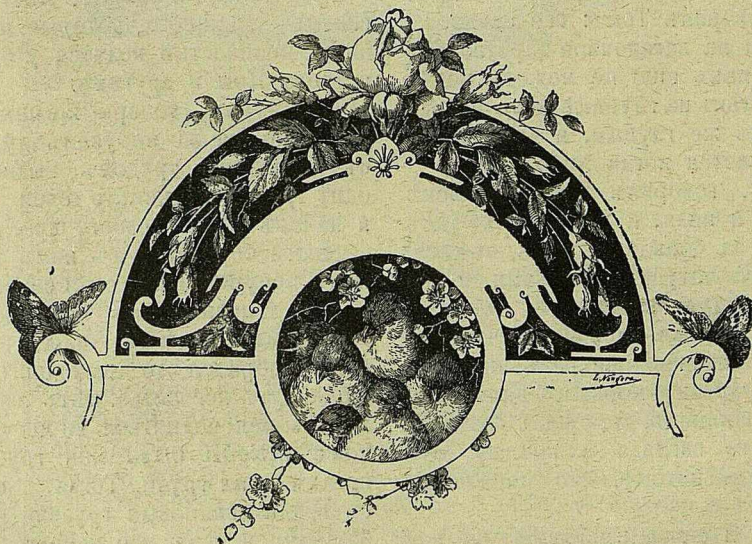
Когда мы тащили „Стеллу“ на буксирѣ въ Тринко—не—Малэ, то она почему-то снова нырнула въ глубь

моря и повисла на стальномъ стосаженномъ тросѣ, который пришлось обрубить, что-бы не затопить парохода, и наша „Стелла“ ушла опять на дно глубокаго океана.

Такъ я, говорилъ Томъ, проработалъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ почти даромъ, такъ какъ всѣ наши вторичные поиски „Стеллы“ оказались безуспѣшными. Вотъ вамъ, любезные мои слушатели, конецъ исторіи одного изъ морскихъ чудовищъ, сказалъ мистеръ Грантъ.

Звонкій колоколъ пробилъ шесть склянокъ т. е. одиннадцать часовъ, и всѣ пассажиры, любезно поблагодаривъ Гранта, стали спускаться въ салонъ къ завтраку.

М. Соловьевъ.

Спрутъ.

ДѢТСТВО.

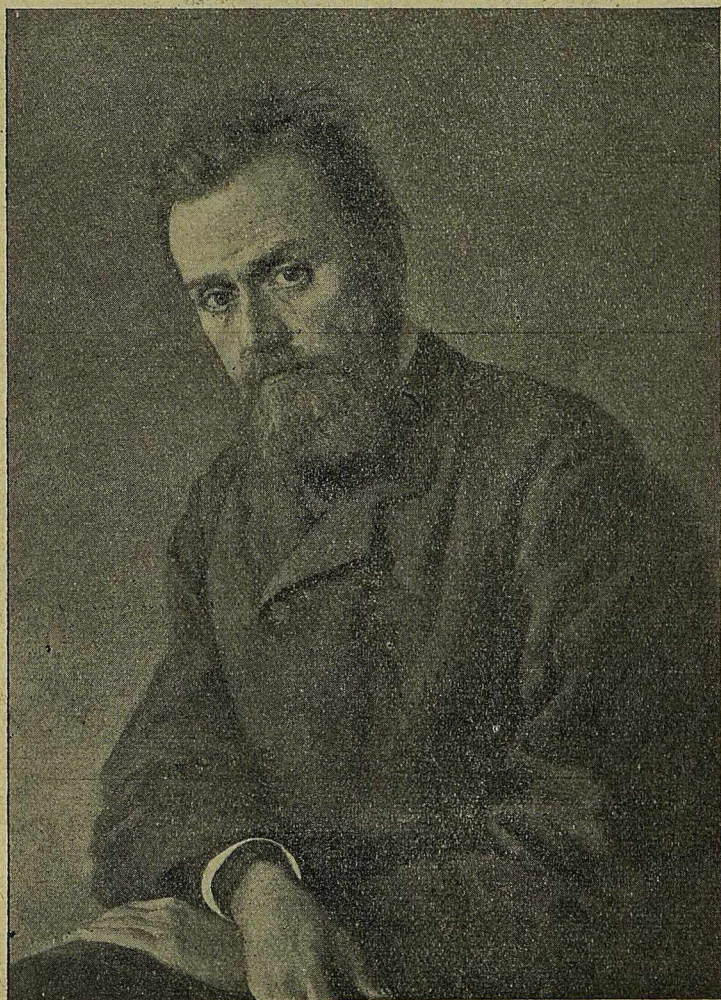
(О Т Р Ы В О К Ъ).

Мама! Твой образъ лазурный мерцаетъ
Часто мнѣ ночью въ тиши;
Онъ колыбельную пѣснь напѣваетъ,
Гаситъ волненья души.
Въ эти минуты я снова малютка—
Я оживаю съ тобой.
Темная ночь не страшна. Мнѣ не жутко:
Ты вѣдь, родная, со мной!..

Ты мнѣ приводишь на память бывшее,
Дѣтства далекіе дни...
Помнишь—въ гостинной простыя обои.
Лампа горитъ. Мы одни...
Помнишь—подъ звукъ упоительной сказки
Я на рукахъ задремлю,
Сладко сомкнувъ свои дѣтскіе глазки,
Такъ до утра и просплю.

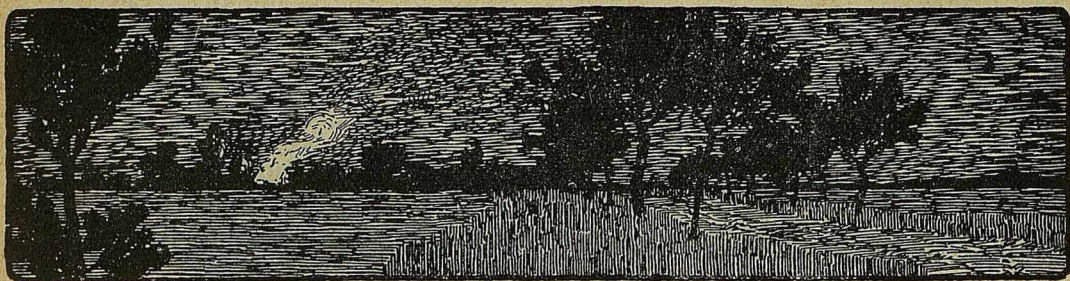
Помнишь—горящую весело елку;
Снова мы, снова вдвоемъ.
Я говорю, хохочу безъ умолку—
Право, не помню—о чемъ.
Милое дѣтство, пора золотая—
Вѣчно она хороша.
Вспомнилъ я, вспомнилъ о ней, дорогая,
И отдохнула душа!..

Олегъ Леонидовъ.

Глѣбъ Успенскій,

Русскій писатель-народникъ (къ 10 лѣтію со дня его смерти.)

Маленькій часовой.

(Черты изъ жизни Наполеона).

Однажды Наполеонъ I проѣздомъ черезъ городъ Ліонъ остановился въ одной изъ гостинницъ на берегу рѣки Соны. Ліонцы ликовали и восторженными криками привѣтствовали завоевателя Италіи и Египта.

Въ той же гостинницѣ, гдѣ остановился Бонапартъ, въ третьемъ этажѣ, жило семейство одного довольно извѣстнаго артиста. Самый младшій изъ дѣтей этого артиста былъ хорошенькій пятилѣтній мальчуганъ. Шумная толпа, окружавшая гостинницу съ утра до вечера, военные въ блестящихъ мундирахъ пріѣзжавшіе съ визитами къ Наполеону—все это страшно заинтересовало малыша.

И въ одинъ прекрасный день онъ рѣшилъ сдѣлаться солдатомъ. Надѣвъ на голову бумажную каску, перекинувъ черезъ плечо пантронташъ и взявъ деревянное ружье, маленький солдатъ спустился внизъ, на площадку перваго этажа, и всталъ на часы у дверей апартаментовъ Наполеона. Утомившись стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ, маленький часовой сталъ важно прохаживаться взадъ и впередъ по площадкѣ.

Прошло довольно много времени.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и Наполеонъ своей обычной стремительной походной выбѣжалъ на площадку, сбиль съ ногъ маленькаго часового и едва не упалъ самъ.

Это было бы еще полбѣды, но мальчуганъ забывъ всю свою солидность, разразился отчаяннымъ ревомъ.

Схвативъ на руки кричавшаго малыша, Бонапартъ отнесъ его на половину своей супруги Жозефины.

— Вотъ, мой другъ,—сказалъ генераль, сажая ребенка на колѣни жены,—молодой солдатъ, раненный въ первой стычкѣ.

— Но я думаю, что его раны неопасны и нѣсколько конфектъ возстановятъ хорошее расположеніе духа и вернуть его къ исполненію своихъ обязанностей.

— Но замѣть,—обратился генераль къ мальчику—солдатъ не долженъ плакать.

— Я уже не плачу,—отвѣтилъ ребенокъ, вытирая рукавомъ слезы, но, прибавилъ онъ, я потерялъ шляпу.

— Она осталась на полѣ битвы,—сказалъ Наполеонъ,—мы ее найдемъ.

— Я тебя снова поставлю на часы и дамъ тебѣ приказъ.

Послѣ того, какъ мадамъ Бонапартъ вытерала глаза ребенку и наполнила его патронташъ конфектами, генераль взялъ маленькаго солдата за руку, вывелъ его на площадку, и сказалъ строгимъ голосомъ:

— Ты не долженъ никого впускать черезъ эту дверь, не приказавъ „звоните“.

Отдавъ такой приказъ, генераль отправился на празднество по случаю открытія одного изъ памятниковъ, которыми такъ славится г. Ліонъ.

По окончаніи торжества Наполеонъ вмѣстѣ со своими адъютантами возвращался къ себѣ домой въ гостиницу. Поднявшись на площадку перваго этажа, генераль нашелъ маленькаго часового на своемъ посту и услышалъ отданный ему приказъ: „звоните“.

— Великолѣпно!—воскликнулъ съ улыбкой Наполеонъ.—Я вижу, изъ тебя выйдетъ хорошій солдатъ.—Ты хорошо исполняешь свои обязанности.

На другой день Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ, пообѣщавъ не забывать маленькаго солдата.

Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ основалъ лицей своего имени и помѣстилъ туда своего маленькаго протеже.

Императоръ выше всего ставилъ военное искусство. На-

ставникамъ и начальству лицея вѣнялось въ обязанность сдѣлать изъ школьниковъ солдатъ. Онъ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, чтобы развить въ молодыхъ душахъ любовь къ славѣ и военному дѣлу. Посылалъ имъ дорогія англійскія ружья. Часто посѣщалъ лицей, окруженный блестящей военной свитой. Одно изъ такихъ посѣщеній совпало съ 1871 г., моментомъ высшей славы Наполеона.

Въ теченіе трехъ дней ждали и готовились къ пріѣзду императора. Молодежь была въ волненіи. Наконецъ, на четвертый день императоръ пріѣхалъ. Въ пріемной залѣ выстроился почетный караулъ. Два часовыхъ дежурными у подѣзда.

Какъ только послѣдніе замѣтили императорскій поѣздъ, они крикнули „къ оружію“.

И черезъ нѣсколько секундъ всѣ обитатели лицея были на улицѣ.

Императоръ былъ окруженъ блестящей свитой. Когда Наполеонъ поднялся на крыльцо и готовъ былъ войти въ зданіе, какъ одинъ изъ часовыхъ, маленькій лицеистъ, загородилъ ему дорогу и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Позвоните раньше, государь!

Наполеонъ слышалъ плохо, а потому переспросилъ:

— Что ты говоришь, дитя?

— Государь,—произнесъ храбро мальчикъ, несмотря на угрожающіе взгляды, которые бросало на него начальство,—я имѣлъ честь сказать Вашему Величеству: „позвоните“,

— Позвонить! Зачѣмъ? удивлялся все болѣе и болѣе императоръ,

— Я вижу,—отвѣчалъ съ улыбкой юный лицеистъ,—что Ваше Величество обладаетъ плохой памятью.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ Наполеонъ, принявъ суровый и строгій видъ, и взялъ за ухо юнаго часового.

— Я хочу сказать, что десять лѣтъ тому назадъ. Ваше Величество дало мнѣ должность часового и приказали никого не впускать, не сказавъ: позвоните!

— Я, не забылъ этотъ приказъ.

— А!—воскликнулъ императоръ,—это было въ Ліонѣ, неправда-ли?

—Я это хорошо помню,—но ты такъ выросъ!

—Я доволенъ тобой. Ты хорошо исполняешь свою обязанность.

Послѣ того какъ императоръ осмотрѣлъ классы, дортуары и столовую, онъ снова вышелъ во дворъ, гдѣ весь баталіонъ стоялъ подъ ружьемъ. Здѣсь онъ долго и внимательно бесѣдовалъ съ молодежью. Особенное вниманіе онъ удѣлилъ своему часовому и произвелъ его въ чинъ капрала.

Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ молодому лицеисту пришлось вновь увидѣть императора.

Это было послѣ неудачнаго похода въ Россію, когда вся Европа возстала противъ владычества Наполеона.

Желая хотъ на время забыть пережитыя бѣдствія и разсѣять мрачныя думы, Наполеонъ посѣтилъ Сень—Сирскую военную школу.

—Государь,—сказалъ ему директоръ школы,—одинъ изъ учениковъ сидитъ въ карцерѣ. Онъ совершилъ важный проступокъ. И дѣло требуетъ большой строгости.

—Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ императоръ.

—Государь, онъ вызвалъ на дуэль своего старшаго товарища и ранилъ его.

—Я долженъ Вамъ сказать, Ваше Величество, что воспитанники не имѣютъ въ своемъ распоряженіи настоящаго оружія. А потому они рѣшили разбить компасъ и вынудъ острія (стрѣлки) прикрѣпили ихъ къ двумъ желѣзнымъ прутьямъ, которыя и служили имъ шпагами,

—Приведите ко мнѣ ученика,—сказалъ императоръ сурово.

Черезъ нѣсколько минутъ явился виновный въ сопровожденіи стражи.

Это былъ блѣдный, сконфуженный юноша. Опустивъ глаза и вертя въ рукахъ фуражку, стоялъ онъ передъ строгимъ судьей.

Императоръ внимательно и долго разсматривалъ юношу. Долгое молчаніе не предвѣщало ничего хорошаго.

Наконецъ императоръ заговорилъ.

—Если бы вы были старше, вы завтра же были разстрѣляны, но мнѣ жаль вашей молодости. И потому я васъ

исключая изъ школы. Я основалъ эту школу, чтобы имѣть честныхъ офицеровъ, а не забіякъ и дуэлистовъ.

— Почти всѣ дуэлисты—негодяи.

— А я не люблю негодяевъ.

— Ахъ государь,—воскликнулъ несчастный юноша,— пощадите и не называйте такимъ ужаснымъ именемъ. Это убиваетъ меня.

И горько зарыдавъ, бѣдный юноша опустился на колѣни передъ императоромъ.

— Ваша кровь,—продолжалъ Наполеонъ, уже замѣтно смягчившись,—ваша кровь не принадлежитъ вамъ; она принадлежитъ Франціи.

— И вы не имѣете права проливать ее, чтобы удовлетворить глупое оскорбленное самолюбіе.

— Государь!—возкликнулъ въ отчаяніи юноша,—вспомните маленькаго часового въ гостинницѣ, въ Ліонѣ, и ради этихъ воспоминаній простите меня.—Я сознаю свою вину.

Я готовъ понести наказаніе.

Пошлите меня въ полкъ простымъ солдатомъ, и передъ лицомъ непріятеля я докажу вамъ, что я не дуэлистъ.

— Вернитесь въ карцеръ, сказалъ императоръ,—завтра вы услышите мое рѣшеніе.

На слѣдующій день онъ былъ зачисленъ въ полкъ простымъ солдатомъ и получилъ приказъ отправиться въ Саксонию, гдѣ въ то время находился его полкъ.

Годъ спустя, 13-го марта 1814 г., Наполеонъ сражавшійся противъ всей Европы за каждый шагъ французской земли, послѣ битвы подъ стѣнами Реймса, спросилъ своего адъютанта.

— Скажите мнѣ, генераль, какой батальонъ такъ храбро дрался сегодня со стрѣлками въ долинѣ?

— Государь,—отвѣчалъ генераль,—вотъ что осталось отъ этого храбраго батальона,—и онъ указалъ не семерыхъ раненныхъ молодыхъ солдатъ.

— Узнайте ихъ имена, и наградите по заслугамъ,—приказалъ императоръ.

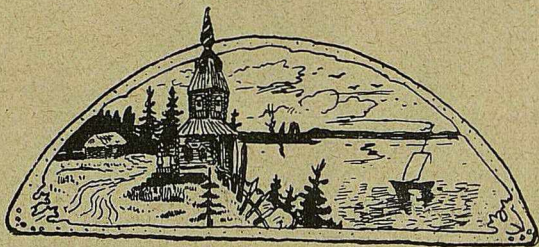
Тогда одинъ изъ раненныхъ съ трудомъ поднялся съ земли и сказалъ слабымъ голосомъ:

— Теперь Вы видите, Ваше Величество, что я былъ правъ, когда сказалъ Вамъ въ Сень-Сирской школѣ, что я не негодяй.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ,—отвѣтилъ императоръ, который уже узналъ нашего знакома,—и совершенно не нуждался въ такомъ печальномъ доказательствѣ.

— Вотъ тебѣ награда,—и онъ подалъ раненому солдату крестъ.—Носи и будь здоровъ.

Затѣмъ тихо прибавилъ: я узналъ тебя мой славный, маленькій часовой. Съ тѣхъ поръ они больше не встрѣчались. Но въ тотъ день, когда останки великаго императора привезли въ Парижъ, въ толпѣ, шедшей за гробомъ, можно было видѣть пожилого офицера, который часто вытиралъ катившіяся изъ глазъ слезы. Это былъ нашъ старый знакомый. Маленькій часовой Наполеона пришелъ отдать послѣдній долгъ умершему императору.

Маленькіе индѣйцы.

Что читать дѣтямъ?

Особенной похвалы среди дѣтскихъ книгъ заслуживаютъ роскошныя изданія А. Ф. Девріенъ. Изъ нихъ отмѣчу книгу Е. В. Туркина „Любите животныхъ“, путешествіе Р. Нарутца „Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакъ“ и великолѣпное, художественно исполненное изданіе гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“.

Разсказы Е. В. Туркина посвящены изображенію жизни животныхъ, которыя нерѣдко терпятъ отъ жестокаго съ ними обращенія человѣка. Авторъ не морализируетъ, но даетъ почувствовать маленькому читателю, что животныя — существа разумныя, что онѣ заслуживаютъ хорошаго и любовнаго къ себѣ отношенія.

„Среди киргизовъ и туркменовъ“ представляетъ живое, въ высшей степени интересное описаніе путешествія, принятаго авторомъ, если не ошибаюсь, въ 1910 г. Онъ со вниманіемъ изучилъ бытъ и нравы обитателей Мангышлака и далъ много новыхъ, любопытныхъ подробностей.

Дѣти, уже начавшіе заниматься географіей (10—11 лѣтъ) съ удовольствіемъ прочтутъ эту новую книгу Р. Нарутца и она принесетъ имъ немалую пользу.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргородъ“ украшены рядомъ отдѣльныхъ гравюръ, рисунковъ въ текстѣ, виньетокъ и заставокъ, отпечатаны на плотной пріятной бумагѣ и, благодаря этому, не говоря ужъ объ ихъ замѣчательномъ содержаніи, — хорошій и цѣнный подарокъ — стоятъ они — 14 рублей.

Сергѣй Эфронъ въ изданіи „Оле-Лукопе“ выпустилъ прекрасную книгу „Дѣтство“. Онъ сумѣлъ проникнуть въ своеобразный и сложный міръ переживаній семилѣтняго ребенка и далъ тонкій анализъ дѣтскихъ впечатлѣній, воспріятій и мыслей.

Эту книгу смѣло можно рекомендовать дѣтямъ — все въ ней понятно имъ, все близко и родственно по духу.

Ол. Л.

ДѢТСКІЯ МОДЫ.

44

Дѣтскій Міръ.

№ 7—8

Лѣтнія платья для дѣвочекъ отъ 9—12 лѣтъ.

Окончившая берлинскую консерваторію
даёт уроки музыки,
аккомпан. пѣвцамъ и музыкантамъ,
Пушкаревъ пер., 20.

Опытная учительница
готовитъ по всѣмъ предметамъ средне-
учебныхъ заведеній.

Многолѣтняя практика.
Ст. Басманная, Токмаковъ пер., 7, кв. 1.

ПРЕДЛАГАЕТЪ УСЛУГИ
Управляющій домами
== ЗНАЮЩІЙ ==
Завѣдываніе постройками.

Адресъ: Владимиро-Долгоруковская:
Чухинскій пер., д. Щукина.

Александрѣ Терентьевичу.

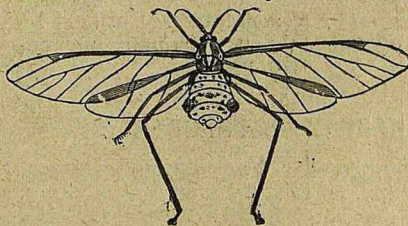
Издательство Общеизвестныхъ
наглядныхъ пособій.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Въ картинахъ по А. БРЕМУ.

съ пояснительнымъ текстомъ и спис-
комъ популярныхъ книгъ.

изданіе для начальныхъ школъ и
начальнаго обученія.

Ц Ъ Н А 2 р. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный магазинъ „КОПѢЙКА“
Москва, Бол. Дмитровка, 26.

ТЕЛ. 173-76. **ВЪ РАЗСРОЧКУ.**
ПРОДАЖА

И ЗА НАЛИЧНЫХ.

ПО ОПТОВЫМЪ ЦѢНАМЪ.
ГОТОВОЕ МУЖСКОЕ.
ДАМСКОЕ, ДѢТСКОЕ И
ФОРМЕНЪ ПЛАТЬЕ.

Т. Д. С. РОЖНОВЪ
И
Д. ПЕТРОВА

ТВЕРСКАЯ, УГ.
КАМЕРГЕРСК. П. Д.
ТОЛМАЧЕВА.

Кубанско-Черноморская биржевая артель.

(Состоитъ въ вѣдѣніи Екатеринодарскаго Биржев. Комитета).

Принимается запись въ члены артели лицъ обоого пола (количество членовъ ограничено).

Членскій взносъ: мужской 750 р. (500 въ капиталъ обезпеченія и 250 р. организационныхъ) и женскій 450 р. (300 въ кап. обезпеченія и 150 руб. организационныхъ).

КАПИТАЛЬ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ хранится въ Государственномъ Банкѣ.

Запись принимается: въ Москвѣ (Тверская, Благовѣщенскій пер., д. № 3, кв. 2, въ конторѣ Организаторовъ) отъ 5 до 8 час. вечера, въ Екатеринодарѣ, въ канцеляріи Биржевого Комитета, (Красная ул., отъ 11 до 2) и у Я. А. Комарова, въ типографіи Бойко, (Карасун-

Книжный магазинъ

ОБРАЗОВАНИЕ

МОСКВА,
Кузнечкй мостъ, д. князя
Гагарина.

Телефонъ 99-05.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
дѣтскихъ книгъ для подарковъ.

Ежедневное полученіе
всѣхъ выдающихся новинкохъ

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ
на всѣ періодическія изданія.

Для лекцій и народныхъ чтеній
свѣтовые карт. и волшебн. фонари
С. А. Баранова.

Москва, М. Сухаревская площадь, д. № 6.
ТЕЛЕФОНЪ 110-70.

Мастерская имѣетъ каталоги.

- 1) Общ. по всѣмъ отраслямъ знаній—ц. 1 р
- 2) Сокращенный—бесплатно.
- 3) Каталогъ по сельскому хоз.—50 к.
- 3) Катал. волшебн. фонарей—бесплатно

Самоучители ремесль и производствъ:

Асфальт. раб. съ 8 рис.—30 к. Багетно-рамочн. произв.—30 к. Бочарное дѣло съ 50 рис.—40 к. Веревно-канат. произв. съ 52 рис.—30 к. Водян. двигат. съ 15 рис. 40 к. Вътрѣнн. двигат. съ 27 рис.—40 к. Выжиганіе по дереву съ 24 рис. и 2 черт.—30 к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис. и 1 черт.—30 к. Гончарное произв. съ 16 рис.—30 к. Домашній электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Дрожжевое произв.—30 к. Дѣтскія полезн. рем. съ 81 рис.—40 к. Женскія рукод. съ 48 рис.—30 к. Живопись брызгами съ 4 рис. и 1 черт.—30 к. Зерк. произв. съ 3 рис.—30 к. Золоч. и серебр. по дереву и металлу съ 14 рис.—30 к. Бумажн. произв. съ 7 рис.—30 к. Какъ дѣлать клѣтки съ 19 рис. и 2 черт.—30 к. Каменн. кладка съ 41 рис.—30 к. Резиновое произв. съ 15 рис.—60 к. Керосин. и бензин. двигатели съ 20 рис.—40 к. Клееноч. произв.—30 к. Приготовление клеястера и гумми-рабика—30 к. Кожевенн. произв. съ 5 рис.—30 к. Колбасн. произв. съ 40 рис.—50 к. Кораиночн. произв. съ 52 рис.—30 к. Красильщикъ-любитель—30 к. Краснодеревецъ съ 92 рис.—30 к. Крахмальн. произв. съ 11 рис.—30 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-люб. съ 46 рис.—30 к. Клееварное произв. съ 14 рис.—30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никел.—30 к. Маляръ-люб.—30 к. Маслобойное произв. съ 23 рис.—25 к. Мукомольное произв. съ 27 рис.—50 к. Мыловаръ-практикъ съ 36 рис.—40 к. Навивка чучель съ 42 рис.—40 к. Обойщикъ-любит. съ 67 рис.—30 к. Охотникъ-люб. съ 22 рис.—30 к. Переpletчикъ-люб. съ 76 рис.—30 к. Печное дѣло съ 22 рис.—40 к. Пиротехн.-люб. съ 35 рис.—40 к. Плетен. сѣтей съ 30 рис.—30 к. Полиров., шлиф. и лакировка—50 к. Постройка и ремонтъ дорогъ съ 40 рис.—30 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Постр. лѣста, съ 39 рис.—30 к. Починка резинов. калошъ—30 к. Приготовление лампаднаго масла—30 к. Пригот. колесной, сбруйной и копытной мази—30 к. Произв. ваксы—25 к. Произв. непромок. тканей—30 к. Произв. портландъ-цемента съ 25 рис.—40 к. Произв. рогов. и костян. издѣл. съ 25 рис.—30 к. Произв. сливочн. и чухонск. масла съ 15 рис.—30 к. Содовое произв. съ 10 рис.—30 к. Стеклан. произв. съ 22 рис.—30 к. Пригот. растительн. и животн. красокъ—30 к. Прохладит. напитки—30 к. Работы изъ сучьевъ съ 18 рис. и 1 черт.—25 к. Работы изъ панье-маше съ 9 рис.—30 к. Работы изъ проволоки съ 32 рис.—30 к. Ретушерь-люб. съ 2 рис.—30 к. Ручные насосы и тараны съ 45 рис.—30 к. Рѣзчикъ-люб. съ 60 рис.—30 к. Рыбная ловля съ 54 рис.—30 к. Сапожникъ-люб. съ 47 рис.—30 к. Сельск. землем. съ 43 рис.—30 к. Скорняжн. дѣло—30 к. Слесарь-люб. съ 63 рис.—30 к. Смолокурн. произв. съ 19 рис.—30 к. Спичечн. произв. съ 17 рис.—30 к. Столяръ-люб. съ 100 рис.—30 к. Сургучное произв.—30 к. Сухіе гальван. элементы съ 9 рис.—30 к. Сыровар. произв. съ 23 рис.—30 к. Технич. черчен. съ 25 рис.—30 к. Тиснен. по кожѣ съ 20 рис. и 1 черт.—30 к. Токаръ-люб. съ 72 рис.—30 к. Приготовл. туалетн. мыль съ 10 рис.—60 к. Устр. неболыш. мыловар. завода—30 к. Фотографъ-люб. съ 68 рис.—80 к. Хлѣбопекарн. дѣло съ 24 рис.—30 к. Художн.-люб. съ 5 рис.—50 к. Часовщикъ-люб. съ 28 рис.—30 к. Чернильное произв.—25 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 22 рис.—30 к. Шеточникъ-люб. съ 39 рис.—25 к. Эмалированіе посуды съ 6 рис.—25 к. Высыл.

налож. платеж.

Книжный складъ „Копѣйка“ Б. Дмитровка 26.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждого мѣс. Подписной г. съ 1 декабря по декабрь.

Продолжается подписка на 1912 г.

(V ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

на популярно-образовательный и литературно-худож. иллюстрир. журналъ для дѣтей 9—12 лѣтн. возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“.

(Журналъ премированъ въ Россіи и за границей).

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

24 иллюстр. книжки журн. содерж.: рассказы, стихотв., пьесы для дѣтск. театра, популярн. статьи изъ разн. областей знанія, біографіи ученыхъ, писателей, художн., общ. дѣят.; легкія музыкальныя произв., игры, занятія, шутки, загадки ребусы и пр. Спортъ.

24 приложения, въ числѣ котор. **12** снимковъ съ карт. знамен. художниковъ; **6** выпусковъ дѣтск. модъ, **6** вып. „Что читать дѣтямъ“.

Только для молод. подписчиковъ „ДѢТСКАГО МІРА“ въ теченіе 1912 г. редакціей будетъ устроенъ **рядъ конкурсовъ** на литературныя и художеств. работы съ многочисленными преміями.

Условія перваго конкурса объявлены въ № 1.

Почтовый ящикъ „Дѣтскаго Мира“, при посредствѣ котораго жалующіе могутъ переписываться и обмѣниваться открытками, фотографіями, марками и т. п. со своими сверстниками, живущими, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта.

Подписная цѣна на журналъ „ДѢТСКІЙ МІРЪ“ со всѣми приложеніями **3** РУБ. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города **въ годъ.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи; **МОСКВА**, Тверская ул., Благовѣщенскій пер. д. № 3, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтово-телеграфныхъ конторахъ Россіи.

Редакторъ-издатель В. А. Анзиміровъ.

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающемся сознаніи молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ дѣтскаго міра.

Въ Журналъ принимаютъ участіе всѣ лучшія силы литературнаго и художественнаго міра.

Иллюстрирован. проспекты по требованію. Первый номеръ для ознакомленія у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ, а также высыл. изъ конторы за 10 коп.

Продолжается подписка на самую дешевую, прогрессивную, безпартійную,
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ, защищающую интересы деревни, газету:

„ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА“

(при ближайшемъ участіи **В. А. АНЗИМІРОВА**).

Выходитъ каждую недѣлю и даетъ своимъ читателямъ полный обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ событій.

Русская жизнь и новости всего міра. Новые законы и распоряженія
Правительства.

Работы Государственной Думы, Государственного Совѣта и Земства, Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Отдѣлъ полезныхъ совѣтовъ по хозяйству. По Россіи. Заграницей. Отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Въ Каждомъ № газеты РАЗНООБРАЗНЫЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

„ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА“ служить интересамъ **трудящихся**, стремится разсвѣтать окружающую ихъ темноту, сглаживать рознь, раздѣляющую людей, помогать добрымъ совѣтомъ въ ихъ хозяйственныхъ нуждахъ. Статьи по всѣмъ вопросамъ, могущимъ интересовать жителя деревни и хуторянина. Подробное истолкованіе законовъ и постановленій Государственной Думы, имѣющихъ касательство къ крестьянскому населенію. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. ОТВѢТЫ знатоковъ и специалистовъ. Всѣ статьи пишутся простымъ и понятнымъ для деревенскаго читателя слогомъ, безъ иностранныхъ словъ и мудреныхъ выраженій.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ въ 1912 году будутъ разосланы **бесплатно:**

- 1) **ТРУДОВОЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1912 годъ (Въ отдѣльной продажѣ 20 коп.) 2) **ЛОШАДЬ—ДРУГЪ ЧЕЛОВѢКА**, необходимое пособіе при покупкѣ лошади и уходѣ за ней, ветеринарнаго врача **В. Ф. Майстраха**, со многими пояснительными рисунками (Въ отдѣльной продажѣ 35 коп.).

Книжки готовы и будутъ разосланы при первыхъ №№ газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ ПРИЛОЖЕНІЕМъ на годъ 1 р. 50 коп. на полгода 80 коп.

Подписку адресовать *Москва: Тверская, Благовѣщенскій пер. д. 3.*

Реданкторъ-издатель В. Анзиміровъ.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
МАГАЗИНЪ
ДѢТСКИХЪ НАРЯДОВЪ.

М. ПОПОВЪ.

МОСКВА,

Кузнецкій пер., (мостъ) д. № 4

Телефонъ 26-18.

Объявленія

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

въ журналѣ

ПРИНИМАЮТСЯ ПО ЦѢНѢ:

50 руб.—1/1 стр., 30 руб.—1/2 стр., 15 руб.—1/4 стр. и 4) коп.
одна строка nonparelli (2 кол.).

Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста интел. труда, печатаются по
50 к. за однократное напечатаніе.